

**Елена Валентиновна Исаева
Максим Игоревич Лаврентьев
Марина Николаевна Белкина
Мария Воронова
Юлия Набокова
Алиса Лунина
Анна Хрусталева
Елена Арсеньевна Арсеньева
Ирина Львовна Крицкая
Дарья Аркадьевна Донцова
Юлия Климова
Ариадна Валентиновна Борисова
Олег Юрьевич Рой
Елена Вячеславовна Нестерина**

С праздником! 8 Марта. Рассказы о любви

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17357431
С праздником! 8 Марта. Рассказы о любви: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-86668-7*

Аннотация

Даже если бы праздника 8 Марта не было, мы бы его обязательно придумали! Лишний повод для застолья, подарков и веселья, отличный шанс мужчинам реабилитироваться, а женщинам всех возрастов законно чувствовать себя королевами. Сколько забавных историй случается 8 марта! Современные писатели, авторы этого сборника, с удовольствием расскажут их для вас.

Содержание

Дорогие читатели!	5
Дарья Донцова. Белка с часами	6
Мария Воронова. Сократите меня, Владимир Семёнович!	21
Елена Нестерина. Хроника празднования 8 Марта, составленная за десять лет наблюдений	31
Отчёт 1	32
Отчёт 2	34
Отчёт 3	36
Отчёт 4	37
Отчёт 5	38
Отчёт 6	39
Отчёт 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

С праздником! 8 Марта. Рассказы о любви

© Донцова Д., Воронова М., Нестерина Е., Хрусталёва А., Качан В., Исаева Е., Борисова А., Лунина А., Набокова Ю., Резепкин О., Белкина М., Лаврентьев М., Арсеньева Е., Крицкая И., Климова Ю., 2016

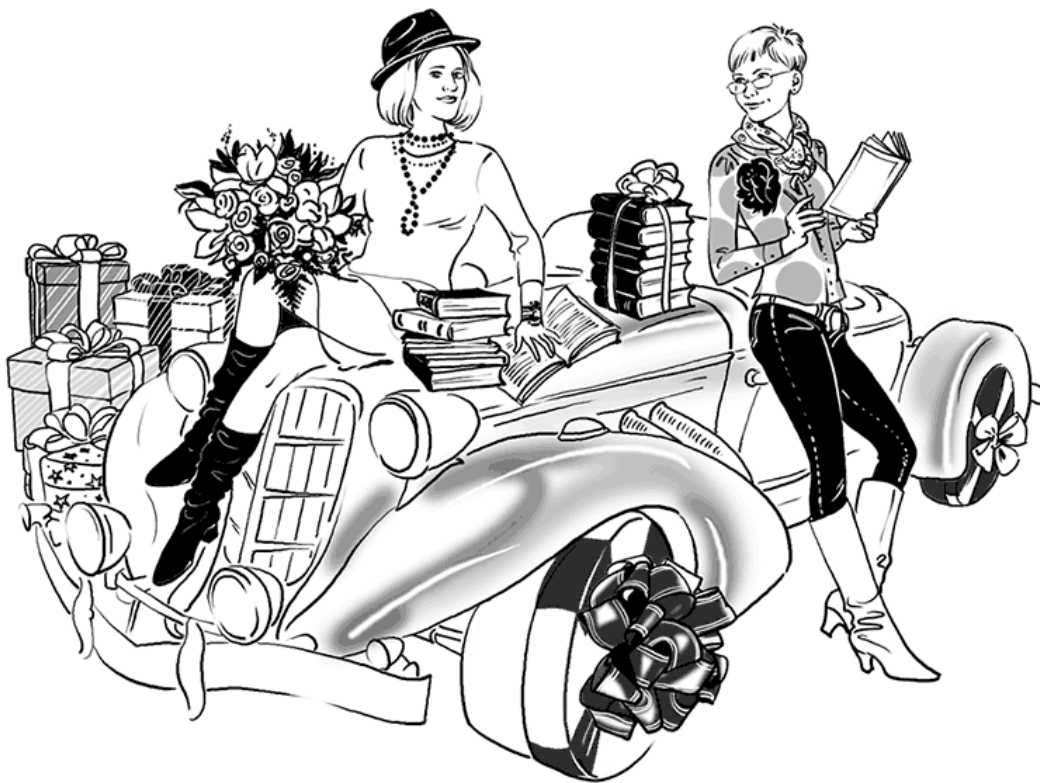
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Дорогие читатели!

От имени всех авторов этого сборника рассказов поздравляю вас с Днём 8 Марта – и от всей души желаю, чтобы этот трогательный праздник никогда не уходил из вашей жизни! Пусть у каждой женщины в сердце всегда будет весна, пусть с наступлением марта каждая чувствует себя прекрасным цветком – и цветёт назло судьбе и на радость близким!

*Искренне ваша, писательница Дарья Донцова,
а также*

**Мария Воронова, Елена Нестерина, Анна Хрусталёва, Елена Исаева,
Ариадна Борисова, Алиса Лунина, Юлия Набокова, Олег Рой, Марина
Белкина, Максим Лаврентьев, Елена Арсеньева, Юлия Климова, Ирина
Крицкая**

Дарья Донцова. Белка с часами

Не надо бояться превратностей судьбы, вполне вероятно, что, получив от неё пинок, ты удивишься тому, на что способна.

Восьмого марта, около полудня, я решила сбегать в магазин, чтобы купить капусту. Вам такая идея в праздник кажется не самой лучшей? Но мой муж Гри обожает пирожки, а я очень люблю своего супруга и потому решила приготовить торжественный ужин.

Вы хотите напомнить, что Восьмое марта – это праздник не для мужчин? Пусть так, но если задать себе вопрос: кто делает нас, баб, счастливыми? – то станет ясно: главное в жизни – замечательный муж, а мой Гри именно такой. Он самое лучшее, что могло случиться со мной на этом свете, и никакое Восьмое марта не способно помешать мне замесить тесто.

Радостно напевая, я добежала до ближайшего супермаркета, нашла в овощном отделе красивый вилок капусты и поспешила домой. Следовало поторопиться: Гри пока находится на работе, но он очень внимательный, поэтому непременно вспомнит про праздник и, наверное, сделает мне сюрприз – приедет пораньше и вручит подарок. Знаете, почему Гри до сих пор не позвонил мне и не сказал: «Милая, в этот изумительный весенний день я хочу ещё раз признаться тебе в любви»?

Он понимает, что я сегодня не работаю и буду спать до обеда. Вот он какой, заботливый и нежный всегда и во всём, без исключения! Ну скажите, чем я, обычная, не очень красивая и, если честно, слишком полная тетка привлекла внимание лучшего жениха России? Мой Гри невероятно хорош собой, умён, талантлив, ему просто слегка не везёт в жизни. Пока режиссёры не оценили по достоинству актёрский талант Гри, и в основном ему достаются крохотные роли, практически без слов, но я верю, что...

Резкий звонок мобильного нарушил плавное течение моих мыслей. Глаза быстро изучили дисплей, и я радостно крикнула в трубку:

– Милый! Как дела?

– Замечательно! – бойко прозвучало в ответ.

Я невольно улыбнулась, вот ещё одна положительная черта Гри! Что бы ни случилось, он никогда не станет грузить вас своими проблемами. В нашей семье я узнаю о неприятностях только после того, как супруг всё разрулил.

– Выспалась? – заботливо поинтересовался Гри.

– Да, – затараторила я, – и даже успела в магазин сбегать.

– За продуктами?

– Верно, – засмеялась я, – ты угадал!

– Пожалуйста, не хлопочи у плиты, – начал Гри и закашлялся.

Я терпеливо ждала, пока муж справится с приступом кашля: недавно он переболел гриппом – поехал на съёмки в другой город и свалился с температурой. Меня, как водится, Гри волновать не стал, думаю, он бы и не рассказал мне об инфекции, потому что знает, как я нервничаю из-за его болячек, но натужный кашель выдал любимого. Кстати, я знаю, как он завершит свою фразу: «Пожалуйста, не хлопочи у плиты, потому что сегодня Восьмое марта и мы пойдём в ресторан, я уже заказал столик».

– Я заказал, – завёл Гри и снова принялся кашлять.

– Хорошо, милый, – я решила ему помочь, – но всё равно я приготовлю вкусненькое, не болтаться же мне весь день без дела!

– Еда пропадёт, – сказал Гри, – я вернусь только через пять дней.

– Откуда? – изумилась я.

– Я заказал билет в Екатеринбург, – заявил муж, – сейчас нахожусь в Домодедове, вылет через час. Не волнуйся, приземлюсь и сразу тебе звякну. Не хотел ничего говорить заранее, боялся – вдруг меня не возьмут на съёмки. Пока, солнышко, не скучай.

– Не буду, – пообещала я и посмотрела на пакет с капустой.

Ладно, вилок не пропадёт, а выпечку приготовлю к возвращению мужа. Я пеку пироги исключительно для Гри, который легко может победить на конкурсе «Мистер Вселенная». Мне, чей вес далек от идеального, мучное ни к чему. Интересно, что за роль дали Гри? Скорей всего, его пригласили на съёмки рекламы какого-то товара. Муж не любит заранее рассказывать о новой роли, вот вернётся, и я всё узнаю. Ладно, пойду домой и...

Нечто маленькое и тяжёлое больно ударило меня по голове. Я невольно ойкнула и машинально потеряла ушибленное место. Несмотря на Восьмое марта, столбик термометра ещё не поднялся выше нулевой отметки. Вероятно, на меня свалилась небольшая сосулька, я как раз стою около пятиэтажки. Я машинально посмотрела вверх и увидела, как на третьем этаже быстро захлопнулось окно. Меня охватило негодование – это не ледышка, упавшая с крыши, а какой-то мусор, который бессовестный человек решил вышвырнуть на улицу. Огрызок яблока или... уж не знаю что! Постойте-ка, безобразие запуталось в моих волосах.

Полная гнева, я начала осторожно вытаскивать из кудрей нечто, на ощупь похожее на камушек. Если с фигурой и лицом у меня проблемы, то с волосами полный порядок, хватит на трёх собак!

Что же шлёпнулось мне на макушку? Пальцы осторожно извлекли предмет, и я ахнула: это были женские часики, на вид очень дорогие, обильно украшенные бриллиантами. Сверкающие камушки украшали не только внешнюю часть корпуса, но были помещены и внутрь, под стекло, они словно плавали между ажурными золотыми стрелочками. Я никогда не держала в руках столь дорогих украшений.

Я снова посмотрела вверх и в ту же секунду сообразила, что произошло. Очевидно, владелица дорогого украшения потеряла его в тот момент, когда затворяла окно. Браслет растянулся, и часы упали вниз. Хозяйка сразу ничего не заметила, может, к ней пришли гости? Но через короткое время она спохватится и начнёт обыскивать квартиру, ей и в голову не придёт побежать вниз и осмотреть улицу. Праздничный день не принесёт бедняжке радостных эмоций. Ладно, я сейчас обрадую незнакомку, представляю, как она удивится, когда я продемонстрирую ей свою находку! Вычислить место, где живёт растеряха, очень легко.

Дверь нужной квартиры была обшарпанной. Однако странно! Владелица столь дорогих часов должна жить в элитной новостройке, или, по крайней мере, вход в её апартаменты обязана скрывать стальная дверь, закамуфлированная панелью из цельного массива дуба. А тут нечто, обтянутое дерматином, через прорехи торчат жёлто-серые комки. Похоже, жильё не ремонтировали лет этак двадцать пять: уже давно при обивке дверей не используют вату. Но я отлично запомнила, какое из окон затворилось, и явилась по нужному адресу.

Я ткнула в звонок, из квартиры донеслось надтреснутое дребезжание, затем раздался нежный голосок:

– Кто там?

– Таня Сергеева, – ответила я, – мы не знакомы, но, пожалуйста, откройте!

Дверь распахнулась.

– Здравствуйте, – настороженно сказала девушка, появившаяся на пороге, – что случилось?

В ту же секунду я поняла – ошибки нет, я нашла хозяйку дорогих часов. Незнакомка была очень красива, просто оживший снимок из журнала мод: высокая, стройная, белокурая, с большими небесно-голубыми глазами, нежной кожей и изящно изогнутым ртом. Длинные волосы стягивала в хвост затрапезная «махрушка». На лице не было ни грамма косметики, и одета красавица просто: короткие джинсовые шортики и маечка с надписью «Супер», я сама хожу дома в подобном костюме. То есть, конечно, я не натягиваю шорты, с моей фигурой это

неприлично, увы, всё слишком короткое и обтягивающее не для меня, я в такой одежке становлюсь похожей на батон любительской колбасы, перетянутый верёвками. Я имела в виду футболку, такие продаются возле каждой станции метро, стоят копейки, и, что странно, даже после многократных стирок они не садятся и не линяют. Редкое сочетание малой цены и замечательного качества.

– Здравсте, – нетерпеливо повторила девушка, – вы вообще кто?

Я вздрогнула и сказала:

– Шла мимо вашего дома...

По мере моего рассказа улыбка медленно покидала лицо красавицы, оно удивительным образом, сохранив правильность черт, превратилось в непривлекательную маску.

– Вот ваши часы, – радостно завершила я, – получите и распишитесь!

– Офигела! – взвизгнула девчонка и стала похожа на злоую обезьянку. – Ещё квитанцию ей какую-то надо! Сумасшедшая.

– Это была шутка, – растерялась я, – не очень, наверное, удачная?!

– Не первое апреля на дворе, – зашипела девица, – а Восьмое марта! Вали отсюда!

– Кто там пришёл? – прозвучало из комнаты, и в тесную прихожую втиснулся парень.

Девушка мгновенно заулыбалась и опять превратилась в красавицу, а молодой человек, обняв её за плечи, выжидательно посмотрел на меня. Я мгновенно оценила обстановку. Юноша очень хорошо и дорого одет, на нём пиджак точь-в-точь, как у Гри, а мой супруг обладает безупречным вкусом, он не способен надеть вульгарную вещь.

– Что происходит? – начал нервничать парень.

Я повторила историю про часы.

– Дайте-ка поглядеть, – удивился он. – Лен, они твои?

– Ага, – кивнула девушка, – ещё я имею «Бентли», дом в Огарёвке, счёт в швейцарском банке и папу-олигарха. Не смей меня, Андрюшка! Сам видишь, как я живу!

– Интересненько, – протянул Андрюша и, насвистывая весёлый мотив, начал изучать «будильник».

Мне стало не по себе, что-то здесь не так. Андрей – явно хорошо обеспеченный человек, его квартира должна выглядеть иначе. И почему хозяин одет дома в изысканный костюм, а его жена носит затрапезные шмотки? Вероятней всего, Андрей и Лена не семейная пара, а любовники, и апартаменты принадлежат девушке, вот тогда всё становится на свои места. Я опустила глаза и удивилась ещё сильнее. На правой ноге Лены я заметила довольно большую разноцветную татуировку, цветочный орнамент. Многие девушки сейчас украшают себя подобными наколками, но меня поразила не она, а педикюр. Большинство женщин, вынужденных экономить, стараются зимой не посещать салон красоты. Визит к мастеру, который приведёт ваши лапки в порядок, – это дорогое удовольствие, и основная масса из нас предпочитает самостоятельно покрывать ногти лаком. Вот летом, когда наступает пора босоножек, тогда да, придётся отправиться к профессионалам. Но Восьмое марта – это ранняя весна, мы ещё не вылезли из зимних сапог, а у Лены ноги в идеальном порядке, руки, кстати говоря, тоже. Абсолютному большинству мужчин было бы непонятно: бегала ли дама в институт красоты или сама возилась с пилкой и лаком. Но у женщин наметанный глаз, и я испытала искреннее недоумение: надо же, живёт в грязной квартире, а за собой следит очень тщательно. Надела майку за три копейки, но не пожалела кругленькой суммы на педикюр.

– Это «Ворт», – сказал Андрей, – коллекция «Зима», браслет сделан в виде снежинок, циферблат с брюликами и плавающие алмазы внутри. Прикольно. Я видел такие в фирменном бутике, это дорогая, эксклюзивная вещь! Говорите, ее выбросили из окна?

– Да, – кивнула я, – и попали мне в голову!

– Вообще, – развела руками Лена, – ты видела, как я вышвырнула часы?

– Нет, но окно запомнила, – не дрогнула я, – его, когда я подняла голову, как раз захлопывали.

– Наверное, ты ошиблась, – очаровательно заулыбалась Лена, – у меня украшений дороже ста рублей нет!

– На фасаде дома сплошняком стеклопакеты, – пояснила я, – а у вас самая обычная ободранная рама, извините за эту деталь, просто я хочу пояснить, почему легко запомнила ваше окно.

– Оно не моё, – загрустила Лена, – я снимаю однушку у невменяемой бабки. Старухе все безразлично, когда муниципалитет людям современные рамы за бесплатно ставил, она даже дверь строителям не открыла. А у меня на собственное жильё средств нет, я не жалуюсь, просто так получилось.

– Сегодня всё изменится, – пообещал Андрюша и прижал к себе Лену. Та с обожанием посмотрела на юношу.

– Значит, часы не ваши? – растерянно спросила я.

– Нет, – помотала головой Лена, – они очень красивые, прямо шикарные, но мне никогда не принадлежали.

– Ещё не вечер, – загадочно улыбнулся Андрюша, – сегодня Восьмое марта, скоро ты увидишь мой подарок. Ну собирайся, поедem в одно место, где тебя ждёт сюрприз.

– Нет, – твердо ответила Лена, – ты мне только что принёс роскошный букет цветов, спасибо за них и оказанное внимание, но для первой встречи хватит презентов.

– У нас с тобой тысяча и одно свидание было! – воскликнул Андрей.

– Но не в реале! – отбила мяч Лена. – Извини, я не привыкла получать дорогие вещи, на мой взгляд, лучше самой заработать себе на брюлики, а не кланчить их у своего парня.

– Значит, я всё же твой парень! – пылко воскликнул кавалер.

– Эй, ребята, – вклинилась я в их любовное чириканье, – я сейчас уйду, и вы продолжите. Лучше скажите, что с «будильником» делать?

– А почему ты у нас спрашиваешь? – изумилась Лена.

Я прикусила губу: красавица права, если часики не её, мне надо уходить. Но неведомая сила словно приклеила меня к месту.

– Вы видели такое украшение в бутике? – спросила я у Андрея. – Не помните, сколько оно стоит?

– Цена зависит от количества бриллиантов, – охотно пояснил парень, – чем больше камней, тем, естественно, часы дороже. Думаю, эти потянут тысяч на пятьдесят.

– Мужу за съёмку в рекламе мыла заплатили больше, – невольно вырвалось у меня.

Андрей рассмеялся:

– Вы жена Бреда Питта? Простите, Анджелина Джоли, я не узнал вас сразу!

Я пожала плечами.

– Неудачная шутка.

Парень развеселился ещё больше:

– Думаю, пятьдесят тысяч евро ни один российский актёр за ролик не получает.

– Вы назвали стоимость часов не в рублях? – ахнула я.

– Ну да, – пожал плечами Андрей, – если больше вопросов у вас нет, тогда прощайте, мы торопимся.

– Что мне делать? – окончательно растерялась я. – Если часы не Елены, то чьи они? Как мне быть?

– Оставь их себе, – неожиданно предложила девушка, – что с неба упало, то пропало! Экая ерунда! Считай, тебе повезло!

Андрей с нескрываемым изумлением взглянул на возлюбленную.

– Хороший совет, – пробормотала я, – но я не могу им воспользоваться. Стой «подарок» пару тысяч рублей, я не стала бы так нервничать, но огромная сумма обязывает! Вы уверены, что она правильная?

Лена посмотрела на Андрея и слегка порозовела:

– Я глупо пошутила, ясное дело, чужое брать не надо, но мы и правда торопимся.

Дверь захлопнулась, я села на ступеньку, вытащила мобильный, набрала номер справочной и попросила:

– Дайте адрес бутика «Ворт».

– Записывайте, – тут же ответил бойкий голосок.

Получив необходимую информацию, я встала, и тут дверь квартиры приоткрылась, высунулась Лена.

– Вали отсюда, – зло сказала она, – чего примоталась, квашня! Андрюша тебе понравился? Знаю, на него бабы западают! В Интернете прям взбесились, когда он про любовь ко мне рассказал и чат прикрыл. Андрей мой! Тебе ничего не обломится!

– Я счастлива со своим мужем, – решила я успокоить ревнивицу, – просто хочу вернуть часики владелице.

– Забери их себе, – прошептала Лена, – в качестве подарка на Восьмое марта.

– Я уже слышала это предложение, но оно мне не подходит! – отрезала я.

– Если не уйдёшь, получишь в нос, – пригрозила Лена, – припёрлась в праздник, выдумала дурацкую историю, а когда Андрюшу увидела, влюбилась и...

– Ох и дура же ты, – покачала я головой и ушла.

Всю дорогу до бутика «Ворт» я обдумывала странную ситуацию и хвалила себя за правильное решение. Абсолютно бесперспективное занятие ходить по квартирам пятиэтажки, которые смотрят окнами на проспект, показывать людям часы и тупо спрашивать: «Это ваши?»

Узнав стоимость украшения, я решила не делать ничего подобного. Вполне вероятно, что мне попадётся нечестная женщина, которая радостно воскликнет: «Ой! Это мои! Спасибо!» – возьмёт часики, а когда наивная Танечка уйдёт, начнёт бурно радоваться своей удаче. Не каждый день нам домой приносят гору бриллиантов, и не всякий человек устоит перед таким соблазном. Лучше показать находку сотрудникам магазина. Если часы и впрямь стоят такие бешеные деньги, то, скорей всего, мне назовут имя покупателя. Навряд ли «Ворт» каждый день продаёт десяток таких «пустячков», и потом, на тыльной стороне вещи есть серийный номер.

В магазине меня встретили очень вежливо, а когда продавщицы увидели часики, на их лицах появилось почти благоговейное выражение.

– Ваш товар? – спросила я и положила находку на прилавок.

– Да, да, да, – закивали три девочки, все, как одна, одетые в элегантные чёрные брючные костюмы.

– Что случилось? – испугалась одна из работниц. – Они сломались?

– Нет, просто камни запачкались, – ответила я, – хозяйка просила их почистить.

– Хорошо, – сказала менеджер с бейджиком «Марина», потом натянула белые нитяные перчатки, взяла часики, перевернула их, посмотрела на обратную сторону, вытащила из ящика стола амбарную книгу и начала перелистывать страницы.

– Безобразие, – раздался за моей спиной гневный голос, – мерзкое качество!

Марина втянула голову в плечи, но не бросила своего занятия, зато две другие девушки начали приседать и кланяться.

– Эльмира Сергеевна, здрасте!

– Желаете чашечку кофе?

– Чай, сок, минералочка?

– Угостите лучше оборванку, которую впустили в магазин, где обслуживаются обеспеченные люди! – завизжала тетка.

– Пройдёмте в vip-комнату, – промурлыкали продавщицы дуэтом.

– Извините, – сказала мне Марина, когда воцарилась тишина, – к нам подчас заглядывают неадекватные люди.

– Я понимаю, что не соответствую статусу бутика, я всего лишь домработница, которую отправили с поручением, – смиренно ответила я.

– Хотите кофейку? – ласково предложила Марина и вдруг ойкнула.

– Что случилось? – напряглась я.

– Как зовут вашу хозяйку? – со страхом спросила Марина.

– У вас же там указано, – вывернулась я, – вы сверили номер и увидели фамилию, так?

– Да, – кивнула продавщица.

– И кому, по-вашему, принадлежат часы? – нагло поинтересовалась я.

– Анне Гаркави, – машинально ответила Марина, – ей их отец купил, Эдуард Сергеевич, в подарок на день рождения. Он у нас частый гость, всё свою девочку баловал, она была сирота, без матери росла.

– Почему «была»? – изумилась я.

Марина заморгала, потом нырнула под прилавок и вытащила газету «Треп».

– Вот, – ткнула она пальцем в первую полосу, – я сегодня у метро купила.

Я уставилась на большие чёрные буквы, пересекавшие лист.

«Горе олигарха. Эдуард Гаркави может купить всё, кроме жизни. Сегодня известный бизнесмен, чьё состояние превышает сто миллионов долларов, опять отправился на кладбище, дабы помянуть любимую дочь. Трагедия привлекла внимание самых разных людей. Напомним вам, что в самом конце февраля Анна погибла в автокатастрофе, она разбилась на подъезде к особняку, находящемуся в подмосковном местечке Огарёвка. Дочь олигарха сама управляла спортивной машиной. Её не раз штрафовали за превышение скорости и за езду в нетрезвом виде. Рано или поздно Анна должна была стать участницей ДТП, но никто не предполагал, сколь масштабным оно будет. Олигарх опознал дочь по татуировке на ноге, большая часть тела и лицо Анны сильно обгорели. Эдуард Гаркави воспитывал дочь один, его жена якобы скончалась, когда Анне исполнился год. Но по сведениям, которые удалось добыть вашему корреспонденту, её мать, Ольга Гаркави, жива, она уехала из Москвы, вернее, её выгнал муж, поймавший супругу с любовником. Анну Эдуард матери не отдал, он постарался оградить девочку от её влияния. Но дурная генетика перевесила, начиная с пятнадцати лет дочь Гаркави стала объектом внимания прессы. «Треп» не раз сообщал о драках, выпивках и приводах в милицию наследницы бизнесмена. Полгода назад Анна резко изменила своё поведение, она прошла курс лечения у психотерапевта и, по мнению близких, стала другой. Очень жаль, что смерть вырвала её из жизни в тот момент, когда Анне едва исполнилось девятнадцать лет. Мы приносим наши соболезнования Эдуарду Гаркави».

В правом верхнем углу полосы серел снимок, я вгляделась в него и вздрогнула. Фотоаппарат папарацци запечатлел обгоревшую машину, а около неё носилки, прикрытые тряпкой, из-под которой торчала одна нога.

– Часы принадлежат Анне Гаркави, – произнесла Марина, – так указано в записях, мы непременно регистрируем владельца, потому что фирма «Ворт» предоставляет двадцатипятилетнюю гарантию. Я сама продавала Эдуарду Сергеевичу часы, он мне за красивую подарочную упаковку дал замечательные чаевые. Откуда у вас эти часики, а?

Продолжая говорить, Марина медленно опустила руку под прилавок.

– Пожалуйста, – быстро сказала я, – не нажимайте тревожную кнопку. Признаюсь, я обманула вас, эти часы упали мне на голову!

– Как? – разинула рот Марина.

– В прямом смысле слова, – вздохнула я, – давайте расскажу, вы только шум не поднимайте!..

– Случается же такое, – заахала продавщица после того, как я замолчала, – а вот на меня никогда ничего стоящего не падало. Повезло вам!

– В смысле?

– Знаете, сколько стоят эти часики? – понизила голос Марина.

– Мне сказали, что пятьдесят тысяч евро, но, думаю, цена ошибочна!

– Верно, – округлила глаза продавщица, – в два раза!

– Двадцать пять штук тоже не копейки!

Марина оперлась грудью о прилавок.

– Вы ошиблись! Они стоят сто тысяч!

– Врешь! – ахнула я.

Девушка снисходительно посмотрела на меня.

– «Ворт» не делает дешёвые вещи, а Гаркави для своей дочери эксклюзив заказал. Хочешь мой совет?

– Ну? – ошарашенно спросила я.

– Тебе повезло, поняла? – прищурилась Марина. – Сегодня вроде как праздник, Восьмое марта, вот и считай, что судьба тебе подарок сделала. Продашь часики – и живи счастливо. Машина есть?

– Нет, – ответила я.

– купишь тачку, – возбудилась Марина, – хочешь адресок подскажу? Торговый дом «Ларс», прямо сейчас туда рули.

– Зачем? – изумилась я.

Марина усмехнулась.

– Мы не только часами торгуем, у нас и ювелирка в полном наборе представлена. Есть, конечно, сумасшедшие бабы, вроде Балакиревой, это та, что сейчас в vip-комнату отвели, она сама себе брюлики хапает. Но в основном наши клиенты – богатые мужики, им сто тысяч евро, как мне леденец на палочке, приобретут кольцо и не заметят. Знаешь, что их любовницы делают?

У меня закружилась голова.

– Нет!

Марина выпрямилась.

– Получат побрякушку, поносят её пару месяцев, а потом бегут в «Ларс», там у них брюлик охотно берут, не за полную стоимость, конечно, но ведь и половина неплохо, так?

– Ага, – кивнула я, – а что «Ларс» делает с приобретёнными украшениями?

– Ну ты спросила, – развеселилась Марина, – продаёт по вполне подъёмной цене. Допустим, тебе за эти часики они сорок тысяч евро дадут, если, конечно, удостоверятся, что механизм не краденый. А затем их в витрину с ценником «шестьдесят» положат.

– За копейки отдадут, – ухмыльнулась я.

– Зря смеёшься, это намного дешевле, чем у нас.

– Значит, дочь Гаркави могла сдать папин подарок в «Ларс»?

– Зачем ей это? – пожала плечами Марина. – Денег у неё лом, да и умерла она!

– Анна погибла случайно, – протянула я, – вполне вероятно, что ей понадобились средства на не совсем благовидные дела, поэтому подарок отца и оказался в фирме «Ларс». Так, теперь мне всё ясно! Некто приобрел часы Гаркави, подарил их на Восьмое марта своей девушке. Браслет был не подогнан по руке новой владелицы, оказался слишком велик и слетел с запястья, когда она захлопывала раму!

Марина оглянулась на закрытую дверь vip-комнаты и пробормотала:

– У часов «Ворт» есть слабое место, давай покажу! Вот тут, в защёлке, иногда выскакивает штырёк, и замок расстёгивается. К нам уже несколько раз женщины с претензией обращались. Но твоя находка в полном порядке.

– Спасибо, – кивнула я, – дай адрес «Ларса».

– Верное решение, – одобрила Марина.

– Вовсе нет! Я хочу узнать у них имя человека, который приобрёл эти часы, – возмущалась я.

– Ты дура? – скривилась продавщица.

– Если присвоить себе найденные деньги, взамен заплатишься своим счастьем. Надо непременно вернуть находку владельцу, иначе ничего хорошего не будет. Я верю в эту примету!

Марина повертела пальцем у виска.

– Похоже, ты больная. Можешь не стараться. В «Ларсе» работают «крокодилы», они тебе ни слова о клиентах не скажут. Мы регистрируем покупки, потому что даём гарантию, предоставляем бесплатный ремонт, чистку драгоценностей, их хранение на случай отъезда владельца. А «Ларс» продал, и покедова! Там с тобой даже говорить не станут и могут ментов вызвать.

Попрощавшись с болтливой Мариной, я вышла из бутика и вернулась к дому Лены. Так, ещё раз внимательно изучу место происхождения. В момент, когда сверху упали часы, я стояла вот тут. Я внимательно изучила фасад. Часы довольно тяжёлые, в сторону ветром их отнести не могло, значит, вероятнее всего, что они упали вот из этих рядов окон. Первый этаж исключаем сразу, он очень низкий, часики бы не попали мне на голову, на пятом люди, похоже, куда-то уехали, там окна закрыты рольставнями. Жильцы боятся воров-верхолазов, вот и установили дополнительное средство защиты, такими ставнями сейчас забиты все строительные рынки. И что у нас в остатке? Не так уж много квартир. Дело за малым: надо узнать, в которой из них проживает молодая симпатичная девушка. Маловероятно, что часы купил своей жене преданный муж. Почему? Да потому! Дом, возле которого я стою, – самая обычная пятиэтажка, расположен он в очень неудобном месте, фасадом на шумную улицу. Если кто-то из его жильцов, семейный человек, накопил солидную сумму в евро, то он, скорее всего, потратил бы её на более насущные нужды, например, сменил бы жилье.

Значит, я ищу юное создание не старше двадцати одного года, студентку, модель или просто красивую девушку.

Постояв пару минут, я сбегала к метро, купила в газетном киоске блокнот, ручку, вернулась к «хрущобе» и вошла в намеченный подъезд. Начну с четвертого этажа, позвоню в квартиру, расположенную по соседству с той, где проживает Лена.

Дверь распахнула востроносая тетка в халате цвета взбесившегося поросёнка.

– Чего надо? – буркнула она.

– Здравствуйте, – заулыбалась я, – мы у вас в подъезде будем кино снимать. Ясное дело, пошумим немного, вот, мне велели обойти жильцов, предупредить!

– Да пошла ты! – рявкнула баба и с треском захлопнула дверь.

Я тяжело вздохнула: маловероятно, что на свете найдётся хоть один мужчина, готовый одарить эту бабищу подарком на Восьмое марта. Жаль, что в календаре нет дня Бабы-яги! Вот к этому празднику тётку бы завалили презентами.

– А вы правда из кино? – шёпотом спросил кто-то за спиной.

Я обернулась: из квартиры, расположенной напротив, высунулась рослая девочка лет пятнадцати.

– Я Маша, – представилась она, – что у нас тут будут снимать?

– Сериал, – улыбнулась я, – сцену в подъезде. Главный герой входит в дом, а его поджидает киллер. Пошумим немного.

– Вау! Круто! – восхитилась Маша. – А вам артистки не нужны?

– Да, требуется очень красивая девушка, – обрадовалась я удаче, – скажи, среди твоих соседей есть такая?

– Я, – без ложной скромности заявила девица.

– Нужна кандидатка чуть постарше.

Маша, явно расстроившись, молчала.

– Не переживай, – попыталась я наладить контакт, – лет через пять придёт и твоё время.

– Мне сейчас охота, – мрачно сказала девочка.

– Сделай одолжение, помоги мне, – попросила я, – ищу в вашем подъезде симпатичных девушек, необязательно очень красивых, но приятных, понимаешь?

Маша кивнула.

– Ага, только здесь одни уроды страшные.

– Всех жильцов знаешь?

– Конечно, – пожала плечами школьница, – на пятом этаже только баба Клава живёт в такой же квартире, как у нас, одна в целой «трёшке», её дочка давно просит: «Мам, поменяйся с нами, тесно в «однушке» с мужем и ребёнком». А баба Клава ей в ответ: «Вот умру, тогда и въедешь в хоромы».

– Милая старушка, – кивнула я.

– Сволочь! – рявкнула Маша. – Больше на пятом никого нет, две квартиры какой-то мужик купил, но он ещё не живёт, наверное, скоро покоя лишимся, затеет ремонт. Болтают, что он ещё и чердак отхапал, хочет пентхаус строить.

Я подавила улыбку. Пентхаус в «хрущовке» – это круто!

– На четвертом мы, – продолжала Маша, – и... во! Лена! Она за этой дверью живёт! Симпатичная была! Раньше бы вам подошла, а теперь нет. Тоже сволочью стала!

– Почему? – удивилась я.

Маша вытерла нос кулаком.

– Не знаю, может, я заразилась злобой от Карины Карловны, вы её ща видели, в халате которая. Вот уж, блин, сука! А Ленка нормальной была, мы даже дружили, она разрешала мне компом попользоваться, это я первая Андрюшу увидела!

– Андрюшу? – переспросила я.

Маша кивнула и поманила меня пальцем.

– Идите сюда, хотите чаю?

– Не откажусь, – быстро согласилась я и вошла в квартиру.

Через четверть часа Маша выболтала всё. На самом деле ей всего двенадцать лет, просто девочка выглядит старше и всю пользуется этим обстоятельством. Мать не хочет покупать дочери компьютер, считает, что Интернет – «паутина разврата, в которой живут одни педофилы», а Маша страдает, у всех одноклассников давно имеются ноутбуки. Машенька ходит к подружкам в гости и давно стала «продвинутым юзером». Но постоянно пользоваться чужой техникой неудобно. Понимаете теперь, как обрадовалась Маша, когда в соседнюю квартиру вместо безумной бабки въехала симпатичная молодая девушка. Одно дело тащиться в троллейбусе в гости к однокласснице, чтобы полазить в Рунете, и совсем другое – позвонить в соседнюю дверь. Маша изо всех сил старалась подружиться с Леной и для начала соврала ей по поводу своего возраста, назвалась семнадцатилетней.

– Ну это ты перегнула палку, – усмехнулась я.

– Лена поверила! – радостно воскликнула Маша. – И у неё имелся комп. Она такая хорошая... была. Пока Андрюша не появился, а ещё она с этой встретилась... ну и всё! Теперь к себе не пускает. Боится, что я его отобью. Ну зачем он мне? Хотя он симпатный, да только мама узнает и по шее накостыляет! Я же для Ленки старалась, а чего получилось? Эта увидела её фотку на Андрюшином сайте и дружить ей предложила! Ой, Ленка даже

голову потеряла! Мне больше ничего не рассказывала! Та ей: сделай татушку. А она в ответ: конечно, с радостью. Та ей: волосы подрежь и перекрась. А она ей – иес, а та ей...

– Подожди, Машенька, – остановила я не в меру раскиптившуюся девочку, – я ничего не понимаю. Ты о ком говоришь?

Маша откинула на спину длинные волосы.

– Лена очень добрая.

– Так, – кивнула я.

– Ещё и красивая, – вздохнула девочка, – она очень любит свою маму.

Я внимательно слушала девочку, которая рассказывала совсем невесёлую историю. Ольга Сергеевна, мама Лены, была очень больным человеком, поэтому дочери пришлось идти после девятого класса на работу. Много денег без хорошего образования нынче не зарабатываешь, да ещё Лена принадлежит к породе ведомых людей, она не умеет добывать счастье кулаками, не занимается интригами и испуганно шарахается в сторону, когда кто-то из начальников пытается запустить ей руки под юбку. Увы, у женщины в современном мире есть всего несколько путей к обеспеченной жизни. Либо ты успешна на работе, имеешь кучу дипломов и являешься эксклюзивным специалистом, либо живёшь за счет мужчины. Второй вариант был Лене не по душе, она хотела встретить свою любовь, а на учёбу не было времени: все свободные от мытья офисов часы уходили на обслуживание мамы. Потом больной стало совсем плохо, её пришлось поместить в клинику, понадобились ещё большие средства. И тут Лену осенило: она сдала родительскую квартиру, себе сняла непрезентабельную «однушку», а вырученные от этого доллары пошли на лечение матери.

Единственной радостью для Лены был Интернет. Будучи доброй девушкой, она разрешала пользоваться своим компьютером Маше. Других подруг у новой жилички, похоже, не было.

Несмотря на юный возраст, Маша неплохо разбирается в людях, и ей стало жаль Лену. Ну где той найти себе жениха? И Маша решила сделать доброе дело: полазила по брачным сайтам и нашла там фотографию очень красивого парня, Андрюши, который написал о себе: «Молодой, спортивный, не пью, не курю, нацелен на создание семьи».

Решив, что эта кандидатура вполне подходит, Маша отправила фото Лены на его адрес и получила от Андрея ответ: «Очень рад знакомству. Мы можем продолжать его в чате, где я бываю каждый вечер».

Маша обрадовалась ещё больше, значит, Андрей и в самом деле нормальный человек, сексуально озабоченные парни тут же предлагают встречу в реале, торопятся уложить в постель очередную девчонку. Маша вошла в чат и обнаружила там большое количество посетителей. Через пару дней девочке стало ясно – Андрюша король тусовки, основная часть посетительниц влюблена в него, но самой рьяной и даже наглой является некая Белка, она готова на всё, чтобы заполучить парня.

Спустя пару недель Маша призналась Лене в совершённом деянии, соседка сначала возмутилась:

– Кто просил тебя рассылать мои снимки?

Но школьница таки уговорила Лену заглянуть в чат. И всё! Случилось то, чего никак не ожидала Машенька: Лена и Белка внезапно подружились.

– Сначала Лена мне все уши прожужжала, – обиженно тянула Маша. – «Белка замечательная, умная, красивая!» Потом они начали по аське общаться. Ну а потом эта Белка ей вообще мозги порушила! Ленка под неё косить начала!

– Зачем? – удивилась я.

– С ума сошла, под чужое влияние попала, – вздохнула Маша. – Эта Белка, типа, гипнотизёр. Наплела чёрт-те чего Ленке, налила ей в уши байду! А та и рада стараться. Сначала волосы перекрасила, потом брови выщипала. Затем Белка ей шмоток надарила! Правда,

очень классных, дорогуших! А последняя фишка – татушка! Ленка её дней десять назад на ноге выколола! Ой, она так болела! Жуть! Я как увидела, так и решила: ну ни за какой шоколад на это не соглашусь! Хотя ей Белка и пообещала золотые горы!

– Ты о чём? – уточнила я.

Маша шмыгнула носом.

– Она нас раздружила, Белка мерзотная! Ленка тоже хороша! Её новая подруга по аське выпрашивать начала: «Одна живешь? Есть родственники? Друзья?» Лена и написала: «Нет!» Меня за близкую не посчитала; кстати, это обидно! И сразу в дом меня пускать перестала, а потом сказала: «Знаешь, Маня, не ходи ко мне в гости, Белка условие поставила: либо мы вдвоём, либо она со мной не дружит. Извини, но она мне как сестра! Понимаешь?»

Маша говорила и говорила, видно было, что в душе у девочки кипит обида.

Через час я вышла на улицу, побежала к метро, купила в киоске почти все газеты, не только свежие, но и старые. Так и есть! Журналисты писали о несчастье Эдуарда Гаркави, половина изданий проиллюстрировала материал о погибшей дочери олигарха ужасными фотографиями с места аварии, другие дали снимки Анны, сделанные на разных светских мероприятиях. Красивая девушка в дорогих украшениях и шикарных платьях заученно улыбалась с газетных полос.

Я вздохнула и вытащила мобильный. Девятнадцать лет – это слишком рано, чтобы отправиться на тот свет, социальный статус и материальное положение тут роли не играют, абсолютно всё равно, являешься ты дочерью олигарха или нищенкой, смерть не должна забирать ни ту, ни другую на пороге двадцатилетия.

Кое-где Гаркави была в длинных вечерних платьях, кое-где в вызывающем мини, и, надо отметить, Анне было что показать. Ноги у девушки были на зависть стройными, а ступни крохотными, как у Золушки. Даже зимой Гаркави щеголяла на вечеринках в босоножках, щедро украшенных стразами, у неё под каждый наряд имелись специальные туфли и сумочка. Несмотря на скандальную репутацию, Анна обладала хорошим вкусом или имела отличного стилиста. Вот хотя бы этот снимок, под которым стоит подпись: «Красавица Гаркави на дне рождения телеведущего Балагова». На праздник Анна надела чёрное, обтягивающее фигуру платье. Вроде бы классический наряд, вот только разрез сбоку полностью открывает ногу красотки. Во всём остальном дочь бизнесмена была безукоризненна. Педикюр-маникюр-макияж-причёска – идеальны. Лак на руках и ногах контрастен и не совпадает с тоном губной помады. Я люблю читать гламурные журналы и знаю, что теперь немодно краситься, так сказать, одним цветом.

Я ещё раз внимательно изучила все снимки. Маникюр-педикюр... В голове пронеслись обрывки разговоров, вновь зазвучал голос Лены: «Оставь часы себе, экая ерунда», «Ага, я имею дом в Огарёвке и «Бентли», сам видишь, как живу», «Андрюша мой», потом вмешался дискант Маши: «...она нормальная была», «...совсем с ума сошла», «Белка ей вещи дарила».

Я вынула часы с бриллиантами из сумочки, внимательно осмотрела их и убедилась, что замок у браслета в полном порядке, штырек, о котором говорила продавщица Марина, на месте, но крепление расстёгнуто. Оно не могло открыться само, его разомкнула хозяйка. Ох, похоже, мне нужно обратиться к Гри.

Я вытащила мобильный и нажала на кнопку с цифрой 2. Бога ради, не подумайте, что муж занимает в моей жизни второе место! Нет, он всегда первый, но клавиша с номером 1 отчего-то не участвует в быстром наборе.

– Да! – гаркнул Гри.

– Милый, это я, как дела?

– Отлично, кто это говорит?

– Таня.

– Татьяна? – изумился муж. – Назовите фамилию!

Я почувствовала укол совести. Я уже говорила, что Гри – актер очень и очень талантливый, с огромной самоотдачей. Для мужа не существует маленьких ролей. Да, ему пока не удалось сыграть Гамлета, но это не означает, что в рекламном ролике он станет изображать пакет с соком спустя рукава. Вот и сейчас Гри вжился в образ и забыл обо всём на свете. На данном этапе он не мой муж, а некий персонаж.

– Танечка! – уже другим тоном спросил супруг. – Что случилось?

Мне стало ещё гаже. Ну вот! Выбила Гри из творческого настроения, теперь ему снова придётся собираться.

– Что случилось? – повторил муж.

Видите, какой он замечательный? Другой бы наорал на дуру-бабу, помешавшую творчеству, а Гри волнуется о глупой жене.

– Ерунда, дорогой, – смущённо проблеяла я, – мне очень нужен телефон твоего приятеля, полковника милиции Федора Симонова.

– Секундочку, – бормотнул Гри, – погоди, надо его из мобильного вытащить, записывай.

Я нацарапала цифры на полях одной газеты, услышала из сотового короткие гудки и совсем расстроилась. Таня, ты редкостная свинья! Не сказала Гри спасибо! Очень недовольная собой, я вновь нажала на кнопку быстрого набора. Равнодушно-вежливый женский голос произнёс фразу о том, что абонент не доступен. Гри очень умный, слава богу, он догадался отключиться от сети, а то некоторые глупые тётки, вроде меня, могут помешать съёмкам.

Я быстро набрала номер, продиктованный мужем, договорилась с Симоновым о немедленной встрече и побежала к метро. Обычно на московских улицах редко встретишь мужчин с цветами, но сегодня каждый второй представитель сильного пола тащил букет, завернутый в бумагу. На секунду я ощутила зависть к женщинам, которые сегодня получают розы, герберы, лилии... Но тут же прогнала прочь дурацкие мысли, сказав себе:

– Татьяна, не будь идиоткой! Большинство мужей вспоминают о существовании жен лишь Восьмого марта, принесут дежурные цветики и схватятся за бутылку отмечать праздник. Девятого числа жен встретит на кухне гора посуды, а кое-кто будет замазывать синяки, нанесённые кулаком мужа-алкоголика. А мой супруг – творческий человек, нежный, заботливый, умный, тонкий, страстно меня любящий, дело не в подарках, а в глубоких чувствах, которые испытывает ко мне Гри. Дело не во внешних проявлениях любви. Кому нужна эта демонстрация?

Гри вернулся пятнадцатого марта. Сначала уставший муж принял ванну, затем выпил кофе с горячими пирожками и заулыбался:

– Я купил в поезде газеты, а там сплошные рассказы про мою жену! Милая, ты стала звездой!

– Скажешь тоже, – покраснела я, – честно говоря, я пребываю в шоке, не представляла, какую бучу затеет «желтая» пресса! И ведь корреспонденты продолжают мне звонить! Никак не успокоятся, пришлось отключить оба телефона – и мобильный, и домашний!

Гри покосился на молчавшую трубку, лежавшую на тумбочке, и вдруг спросил:

– И как ты догадалась, что произошло убийство?

Я пожала плечами.

– Сопоставила факты, и кое-что показалось мне странным. Я была почти на сто процентов уверена, что часы выпали из окна Лены. Когда стала беседовать с ней, она занервничала, хотела поскорей от меня избавиться и ляпнула: «Оставь себе находку, экая ерунда».

– Почему тебя насторожила эта ничего не значащая фраза? – изумился Гри.

– Бедный человек не назовёт бриллианты ерундой, – улыбнулась я, – так может сказать особа, у которой полно украшений, причём не купленных лично, а кем-то подаренных. Ещё один нюанс. Сначала Лена показалась мне честной, она ведь могла взять часы, поблагодарить меня, и дело с концом. Но девушка отказалась от ценности, значит, она не способна присвоить чужое, и вдруг посоветовала мне... не искать владелицу, а считать часы подарком судьбы на Восьмое марта. Это её заявление противоречило первому впечатлению о ней. Ещё соседка Маша сказала, что тихая, даже застенчивая Лена попала под влияние некоей Белки, подруги по интернет-общению, а та, весьма хваткая девица, полностью подчинила себе новую знакомую. Велела Лене изменить причёску, форму бровей, сделать татуаж губ и наколку на ногу. Одна моя знакомая не так давно посетила тату-салон, набила себе на лодыжке разноцветного дракончика. Я видела, как она мучилась на протяжении двух недель после посещения салона. Картинка воспалилась, покрылась корочкой, её пришлось мазать кремами, укрывать пищевой плёнкой, она не сразу приобрела нормальный вид. А Маша говорила, что Лена была у мастера дней за десять до моего появления в квартире! Но тату на ноге у Лены не выглядело воспаленным, его, похоже, сделали давно. Ещё меня поразил свежий педикюр, явно выполненный дорогим мастером. По идее, не очень обеспеченная девушка не пойдёт в элитное место. Я отметила этот факт и машинально посмотрела на руки Лены, они тоже были в полнейшем ажуре. Мне, правда, показалось, что на левом мизинце есть пятнышко от лака, но потом я сообразила – там небольшая родинка.

– Ты просто Шерлок Холмс, – восхитился Гри.

– Скорей уж мисс Марпл, – улыбнулась я. – Ещё Лена на мой вопрос: «Это ваши часики?» – язвительно ответила: «Кроме них, я имею дом в Огарёвке и папу-олигарха». Девушка явно ехидничала, её слова следовало считать шуткой. Но потом, из газет, я узнала, что погибшая дочь Эдуарда Гаркави жила в Огарёвке. И тут у меня зародился законный вопрос: откуда Лена знала о посёлке, где обитают супербогатые люди?

– Просто так ляпнула, – улыбнулся Гри.

– А вот и нет, – посмела я возразить мужу, – у обычных людей скорее вырвалась бы фраза типа: «Дворец на Рублёвке», вот про это место слышали все, а об Огарёвке известно лишь избранным. Так откуда эта информация? Кроме того, на одном из фото Анны Гаркави я углядела на мизинце пятнышко и вот тогда поехала к Федору Симонову.

Твой приятель оказался молодцом, он живо раскрутил это дело, уже рано утром девятого марта Лена и Андрей давали показания. Всё оказалось очень просто и даже примитивно.

Полгода назад Эдуард отправил Анну в специализированную клинику. Отец надеялся, что врачи приведут девушку в порядок. Она попросила купить ей ноутбук, сказала:

– Буду осваивать комп, хоть время займу.

Взяв себе ник Белка, Анна начала шарить по Сети и наткнулась на чат, где царил красавец Андрюша, выбиравший невесту. Белка влюбилась в парня, но тот был с ней всего лишь любезен. Очень скоро Анна поняла: особый интерес у Андрюши вызывает некая Лена, и решила сблизиться с соперницей, чтобы понять, чем та привлекла парня. Девушки обменялись фото и с удивлением заметили своё сходство. Если Лена поменяет причёску, форму бровей и слегка увеличит губы, она будет вылитая Аня. Гаркави – сильная, авторитарная личность, ей ничего не стоило подчинить себе кроткую, податливую Лену. Анна поставила ей условие: дружим лишь вдвоём, от остальных знакомых абстрагируемся, и Лена перестала общаться с Машей.

– Понял! – закричал Гри. – В машине погибла Лена!

– Верно, – грустно кивнула я, – Анна была настолько влюблена в Андрея, так хотела быть с ним, что решила на убийство и поселилась в убогой квартире Лены. Она знала, что Андрей и Лена собрались встретиться впервые в реальной жизни Восьмого марта, и подстроила катастрофу. Лена получила в машине «таблетку-витаминку», которая на самом

деле являлась сильнейшим сно-творным. Когда несчастная заснула, Анна загнала машину в овраг, посадила Лену за руль, плеснула на иномарку бензин и чиркнула зажигалкой. Труп обгорел до неузнаваемости, словно сам чёрт помогал Анне, потому что, как она и рассчитывала, почти нетронутой оказалась нога с татушкой. Ни у кого не возникло сомнений в личности погибшей, Гаркави не раз задерживали пьяной за рулём.

– Однако она рисковала, – отметил Гри.

– Чем?

– Её могли узнать как знакомые Анны, так и Лены.

Я помотала головой:

– Нет, Гаркави и Лена жили в непересекающихся кругах. Мать девушки держат на наркотиках, у неё спутанное сознание, дочь она не узнаёт, да и близких друзей у Лены нет. Андрей же, хоть и является обеспеченным парнем, не входит в компанию тусовщиков, у него процветающий авторемонтный бизнес, по светским раутам он не таскается, его свадьба с «Леной» не заинтересует папарацци. Думаю, не соверши Анна роковую ошибку, её план мог бы удался. Однако любовь – страшная вещь, Анна спокойно убила девушку и забыла про отца, и всё ради Андрюши.

– О какой же роковой ошибке идёт речь? – не сообразил Гри.

– Часы, – пояснила я, – они невероятно нравились Анне, она их не снимала, даже спала с «будильником». Они были у неё на руке и в тот день, Восьмого марта. Гаркави жила в квартире Лены, одевалась в её шмотки, она встретила Андрея и, лишь приведя его в комнату, сообразила: часы! У нищей девушки таких быть не может! Решение пришло спонтанно, Анна быстро подошла к окну и, сказав: «Холодно стало!» – закрыла раму, часики она ловко вышвырнула наружу.

– Не пожалела такую дорогую вещь! – удивился Гри.

– Гаркави была готова отдать за Андрюшу все миллионы отца, что ей сто тысяч евро, – вздохнула я.

– Прямо страшно, – поёжился Гри, – узнаешь про такое и подумаешь: вдруг и у тебя имеется двойник с преступными наклонностями.

Муж встал и начал ходить по комнате.

– Есть некая информация, которую старательно сберегли от «жёлтой» прессы, – договорила я. – Лена на самом деле сестра Анны. Эдуард поймал супругу с любовником и выгнал прелюбодейку вон, но ни он, ни его неверная жена Ольга не знали о её беременности. Лена родилась удивительно похожей на Аню. Понимаешь, в каком состоянии сейчас олигарх?

– Жесть! – подскочил Гри. – И, судя по газетным публикациям, он ещё пытается помочь дочери!

– Думаю, отец вытащит Анну из беды, сейчас над этим делом работают лучшие адвокаты, – мрачно ответила я, – Анну даже не задержали, она сидит под домашним арестом и...

Трубка на столе резко зазвонила, я вздрогнула.

– Гри, не бери. Это стопроцентно журналисты. Ума не приложу, почему заработал телефон! Отлично помню, как выключала его.

– Наверное, я случайно нажал на кнопку, – протянул Гри и прижал трубку к уху. – Да! Кто? «Треп»? Что вы хотите? Дать комментарий о деле Гаркави? Она сегодня сбежала из страны? Ну и ну! Приезжайте. Кто я? Муж Татьяны, киноартист Гри. Ну, естественно, я знал о расследовании супруги, у неё нет от меня тайн. Чем помогал? Ну, например, посоветовал ей обратиться к своему лучшему другу, следователю Федору Симонову. Да-да, именно он ведёт дело. Послушайте, а фотосессию вы тоже хотите по телефону сделать? Только побыстрей, у меня съёмки запланированы. Ладно, подождём! Ох, от вас ничего нельзя скрыть! Просто не всем режиссёрам захочется снимать актёра, который занялся раскрытием убийства, поэтому мы с женой решили скрыть информацию о моём участии в расследовании.

Гри бросил трубку в кресло и повернулся ко мне.

– Корреспонденты не отстанут! Они очень настырные! Надо один раз встретиться с ними.

– Не хочу, – испугалась я.

– Спокойно, – улыбнулся Гри, – я выведу тебя из-под огня, возьму всё на себя, молчи и кивай, хорошо? Ради твоего спокойствия я совру, что активно занимался расследованием, пусть в газетах треплют моё имя.

Я с обожанием посмотрела на супруга. Понимаете теперь, как я счастлива? На Гри всегда можно положиться, он защитит, поможет, спасёт. Конечно, иногда мне бывает нелегко, жить с гением непросто, но... хотите совет? Никогда не бойтесь трудностей, в них кроются новые возможности.

Мария Воронова. Сократите меня, Владимир Семёнович!

– Что ж вас мужики поставили дежурить на Восьмое марта? – с сочувствием спрашивает Наталья Тимофеевна, подавая мне заряженный иглодержатель. Я молчу, потому что накладываю ключевой шов, требующий полной сосредоточенности. Да и что я могу ответить – что сама попросилась дежурить Восьмого марта, якобы от жадности, польстившись на двойную оплату, положенную за работу в праздничный день?

Затягиваю свой ключевой шов, вроде получилось неплохо, даже ассистент, давно равнодушный ко всему старый травматолог, довольно фыркает.

Нет, не ради оплаты я дежурю Восьмого марта. Я одинокий человек, а праздники – настоящее испытание для таких людей, особенно Международный женский день, когда тебя никто не поздравляет, и 23 февраля, когда тебе некого поздравить, и Валентинов день... И Новый год я тоже не люблю, пожалуй, больше всех прочих радостных дат не люблю за почти физическое ощущение уходящей жизни, за печальное признание того факта, что позади остался очередной одинокий год, несмотря на все загаданные прошлой новогодней ночью под ёлочкой желания найти спутника жизни и на контрольный бокал шампанского, выпитый под звон курантов. Правда, в этом году я наконец не стала ничего загадывать. Безжалостная статистика в совокупности с личным опытом свидетельствует, что никакому Деду Морозу не под силу найти хорошего мужа для тридцативосьмилетней женщины.

– Что слышно по сокращению? – спрашиваю я Наталью Тимофеевну, чтобы отвлечь её от обсуждения моей нелёгкой судьбы. Будучи операционной сестрой, Наталья Тимофеевна почему-то знает обо всём происходящем в больнице лучше главврача, и информация у неё всегда точная, касается ли дело интрижки между коллегами, кадровых перестановок, суммы, украденной заместителем по АХЧ на текущем ремонте, или любой другой сферы деятельности нашей клиники.

– Позавчера было совещание, – говорит она, отработанным движением кладя инструмент в мою протянутую ладонь, – долго обсуждали, кого сократить, но вашей кандидатуры не поднимали, не беспокойтесь.

– Нет? То есть точно нет?

– Точно! Вас не сократят ни при каких обстоятельствах!

Я тяжело вздыхаю. Словам Тимофеевны можно верить.

Для меня это сюрприз. Как только зашла речь о сокращении, я сразу подумала о своей кандидатуре. Это – грамотное управленческое решение, я относительно молода, здорова, не имею малолетних детей, то есть ныть и христардничать в суде по поводу несправедливого увольнения не буду – аргументов нет. А работодатель, в свою очередь, не станет терзаться угрызениями совести, мол, выставил сиротку на мороз. Работу я найду, если захочу, конечно.

Ну а самый главный аргумент: работодатель меня терпеть не может, и горизонт его станет чище без меня.

Главный врач сел в кресло слишком недавно, чтобы мы его раскусили. Демократичные манеры ни о чём не говорят, это симптом скорее тревожный, чем обнадеживающий. Мы склонны думать, что, несмотря на вежливость, славное боевое прошлое и чистые помыслы, которые он периодически демонстрирует, бедный главный скоро запутается в тенетах бухгалтерии. Сам не заметит, как впишется в коррупционные схемы, а потом уже поздно будет дёргаться. Обидно, но жизнь есть жизнь.

Впрочем, я никогда не притязала на близкое с ним знакомство. Пару месяцев назад мне понадобился ассистент. Травматолог, обычно исполняющий эту роль в часы работы экс-

тренной службы, захлёбывался от потока больных, я пыталась вызвать кого-то из коллег – безуспешно, они не отвечали на звонки. На аппендицит можно пойти вдвоём с сестрой, та же Наталья Тимофеевна ассистирует лучше иного хирурга, но при перитоните без второго хирурга никак. Полным яда голосом я доложила главврачу и только собиралась развить тему, как он пришёл и встал к операционному столу.

Ассистент из него вышел прекрасный, следовало похвалить Владимира Семёновича (так зовут главврача) или хотя бы спросить, где он так хорошо научился хирургии.

Но в меня словно бес вселился! Я человек обычно вежливый и довольно скромный, и психика у меня слишком гибкая, чтобы стать лидером оппозиции, хотя подхалимством я тоже не страдаю. Если в чём-то твёрдо убеждена, то свою позицию отстаиваю. Но без хамства и истерики!

А тут... После операции я заявила уставшему с непривычки Владимиру Семёновичу, что он должен организовать работу так, чтобы дежурной смене не приходилось с фонарями разыскивать ассистента. В этом состоит организаторская работа, а вовсе не в том, чтобы устраивать тут клуб весёлого хирурга. В конце концов, добавила я на случай, если Владимир Семёнович не понял мою мысль, капитан корабля не затыкает течь в трюме собственным телом, а принимает эффективные комплексные меры, чтобы судно следовало верным курсом. Главврач посмотрел на меня с лёгким ужасом и быстро ретировался.

– Чёрт, как жаль! – взяв ножницы, я срезаю нитки с линии швов, оставляя строго три миллиметра: один для врача, один для больного и один для прокурора.

– Почему жаль-то? Наоборот, здорово! Нам нравится с вами работать.

– Мне с вами тоже, но я хочу сократиться! Быстро и эффективно, как поперечно-полосатая мышца! Я выжата до предела, всё! Караул устал...

Сейчас я говорю правду. Интерес к профессии давно утрачен, помогать людям тоже не хочется, но самой выбраться из этого болота у меня никогда не хватит силы духа. А сокращение – прекрасная возможность хоть что-то изменить в монотонном укладе жизни, добавить чуточку риска и непредсказуемости.

– Получу выходное пособие, встану на биржу, осмотрюсь, – начинаю я делиться творческими планами и мечтами, – учитывая неистовую оптимизацию здравоохранения, очень сомнительно, что мне сразу найдут место по специальности, стало быть, предложат курсы какие-нибудь. При грамотном подходе можно полгода дурака валять.

Ассистент молчит, но, чувствую, мои слова заставили его задуматься. Наталья Тимофеевна вздыхает под маской и говорит, что мне нельзя уходить из медицины.

– У меня утрачивается чувство реальности, – жалуясь я, – во всех средствах массовой информации бравурные отчёты о модернизации здравоохранения, прогресс буквально шагает по планете! Куда ни посмотри, везде достижение на достижении, а я между тем остаюсь нищим отсталым врачом в нищей отсталой больнице. Мистика, да и только.

– Интересно, – Наталья Тимофеевна даёт мне шить кожу, – в своё время правительство решило, что для того, чтобы чиновники и депутаты работали хорошо и не брали взятку, надо им платить очень большие зарплаты. Почему они считают, что эта схема не работает на медиках?

– Очевидно, потому, что она не сработала на них самих, – бурчит ассистент, и добавить тут нечего. – Так скажите, что вы хотите сократиться.

– Тогда меня станут увольнять по собственному желанию, а потом уберут свободную ставку, и всё. Нет такой подлости, которую больничная администрация не провернёт с рядовым врачом.

– Это верно...

Сейчас я говорю неправду. С тех пор как Владимир Семёнович вступил в должность, никто из докторов обижен не был. Конечно, бухгалтерия пытается обчитать, но уже не так нагло, как прежде. Все ходят в отпуска, ездят на учёбу, получают за платные услуги, а остальное – это гримасы оптимизации здравоохранения, тут главврач такая же страдающая сторона, как мы. Но то ли по привычке, то ли из зависти к чужой успешной карьере мы продолжаем считать его врагом.

Нечего лукавить, я нагрубила Владимиру Семёновичу только потому, что испугалась приглашения на чай, последовавшего после той операции. Я решила, что, если начну чаёвничать с главным, коллеги сочтут меня подхалимкой и выкинут из своих дружных рядов. Или не только поэтому? – приходит в голову тоскливая мысль, но я её гоню.

Увидев, что на рану лёг последний шов, Наталья Тимофеевна подаёт наклейку. Я обрабатываю линию швов антисептиком, ассистент нетерпеливо кладёт повязку, и от его торопливого движения она ложится криво и сминается. Я пытаюсь расправить клейкий край, но поздно, всё уже схватилось.

– Чёрт, некрасиво получилось.

– Да бог с ним. На ходовые качества не влияет.

– Если можно, дайте новую, Наталья Тимофеевна, – прошу я, – а то родственники сейчас увидят и подумают: господа, если они так повязку наляпали, то что же тогда внутри творится? Хотя нет! Стоп! – меня осеняет, как Архимеда, – оставим так. Авось завтра родственники побегут жаловаться главврачу, что у хирурга неизвестно откуда руки растут, наклейку даже не может толком сделать. А главный скажет: спасибо, товарищи, за сигнал, и сократит меня.

– А если не побегут?

– Я верю в людей. Особенно в их идиотизм. Но вы правы, лучше перестраховаться.

План кажется мне безупречным. Я работаю не лучше и не хуже коллег, но почему-то при фатальном невезении в любви на службе мне неизменно сопутствует удача. Масштабы моего профессионального везения таковы, что за все годы работы на меня не написано ни одной жалобы, случай беспрецедентный по нынешним временам. На коллег гораздо больше компромата, но он старый, уже остывший и переработанный, искупленный если не кровью, то потом. А если на меня сейчас поступит свеженький донос, руководство адекватноотреагирует сокращением, как лягушачья лапка на электрический разряд.

Мне даже жаль Владимира Семёновича. Держать человека, которого терпеть не можешь, каждую секунду ждать если не подвоха, так грубости, и не иметь формального повода уволить! Бррр...

Гм, чем бы таким провиниться? К сожалению, гуманистические принципы намертво въелись в мою подкорку, поэтому умышленно дать человеку достойный повод для жалобы я не могу, но вот нарушить этику и деонтологию – это с превеликим удовольствием! Тут я вспоминаю, что этика и деонтология касаются не только общения врача с пациентом, но и отношений между коллегами, и направляюсь в отделение реанимации. Во-первых, мне надо посмотреть находящихся там хирургических больных, а главное, сегодня дежурит Михаил Георгиевич, ужасающий сноб, хам и склочник. Он преисполнен раздражающей уверенности, что весь интеллектуальный потенциал дежурной смены располагается под сводом его собственного черепа, и убеждён, что все остальные разделяют это мнение. А кто не разделяет, те долго и нудно объясняются у начмеда. Достаточно сейчас прилюдно сказать Мише, что он не гений, и можно не переживать за свою дальнейшую судьбу. Завтра на столе главврача окажется эпический донос на все дефекты моей работы за последний месяц.

Я деликатно стучусь в открытую дверь ординаторской, и Миша поворачивает ко мне своё худое лицо, такое же бледное, как истории болезней, которые он заполняет. Вдруг

он улыбается открыто и хорошо, встаёт навстречу и, коротко приобняв меня костлявыми руками, сердечно поздравляет с Восьмым марта.

От удивления я не нахожу, что ответить, и, схватив свои истории, перехожу к тактике ведения больных.

– Мне с вами всегда очень хорошо работается, – говорит Миша, – я спокоен за хирургических пациентов.

– Что ж, приятно слышать, – отвечаю кисло, понимая, что, кажется, сегодня с мечтами о скандале придётся проститься, но всё же пробиваю шар, – особенно от вас, человека, не сказавшего ни о ком доброго слова.

– Почему? Вы профессионал, и я давно это говорю, потому что это правда. А если человек ничего не соображает, почему я должен молчать? Это же тоже правда.

Логика безупречна... Вспоминая Мишкины склоки, я вдруг понимаю, что он действительно воевал с людьми крайне низкого профессионального уровня и, по сути, всегда был прав. Меня саму раздражали глупость и нерешительность его оппонентов, но образ пассионария, принимаемый Михаилом Георгиевичем, бесил куда больше.

– Вы всё же будьте помягче, – говорю я без особой надежды, – надо находить с людьми общий язык.

– Но это же мракобесие какое-то! – вскидывается он. – Вот...

– Кадровая политика не наше с вами дело. Если руководство считает возможным терпеть на службе дураков, значит, придётся общаться с дураками. И учтите, что в благожелательной и спокойной обстановке разумные решения принимаются чаще, чем в атмосфере скандала. Как говорил Мелвилл в «Моби Дике»: «Не оставаясь глухим к добру, я тонко чувствую зло и могу в то же время вполне ужиться с ним – если только мне дозволено будет, – поскольку надо ведь жить в дружбе со всеми теми, с кем приходится делить кров».

– Вы правы...

Михаил Георгиевич произносит эти слова первый раз на моей памяти, и я понимаю, что поссориться с ним сегодня никак не удастся.

Прощаюсь, ещё раз принимаю поздравления с Международным женским днём и иду в приёмное отделение.

Вот что бы мне вспомнить мою любимую цитату раньше, до того, как я завела привычку дерзить Владимиру Семёновичу! Странно, мне стало стыдно после первой же выходки, но на следующей планёрке я продолжила гнуть эту линию. Зачем я выступила с речью об отсутствии шокового зала? Дело было совсем не в этом, а в том, что некоторые доктора просто не хотят работать, им хоть шоковый зал, хоть бальный, пока выговор не влепишь, не пошевелиятся. Потом притащила на планёрку тупые ножницы из операционной и буквально бросила их в лицо Владимиру Семёновичу. Хорошо, хоть отмыла от крови предварительно...

Неужели мне так важно было доказать, что я не заискиваю перед начальством и не ищу лучшей доли? Самое интересное, что мои коллеги, в глазах которых я так хотела сохранить репутацию порядочного человека, установили с главврачом прекрасные отношения, в меру официальные, в меру дружеские, без панибратства, и в то же время с лёгкой ноткой враждебности – словом, комфортные для всех сторон, а я превратилась в несносную «большевсехнадо», эдакий слегка неадекватный персонаж, воспетый в своё время советскими кинематографистами, непонятно зачем.

Приёмный покой встречает меня тишиной, пациентов нет, и дежурные сёстры приглашают меня на праздничный чай с тортом. Обычно они любят со мной дежурить, но не сегодня. Восьмого марта им бы хотелось, чтобы на моём месте оказался кто-то из хирургов

мужского пола и символически поухаживал за ними. Простите, девчонки, но мне так грустно сидеть дома одной, уставившись на мёртво молчащий телефон, и получить единственную поздравительную эсэмэску, начинающуюся словами «Уважаемый абонент!». А ребята пусть побудут с семьями, хирургам редко это удаётся...

– Главнюк заходил, – говорит медсестра Таня, – поздравлял всех и вас спрашивал.

– Правда?

– Мы сказали, вы на операции, так он расстроился вроде. Просил персонально передать, – Таня кивает на изящную цветочную композицию, поставленную в банку из-под солёных огурцов, – и открытку ещё.

Огромная открытка не помещается в карман халата. С трудом разбирая убористый почерк главврача, читаю неожиданно тёплое поздравление и ставлю открытку рядом с букетом так, чтобы она закрывала ободранную этикетку «огурцы маринованные». Что ж, теперь у меня Восьмое марта, почти как у настоящей женщины.

Не хватает только поцелуя, которым главный меня непременно одарил бы ради протокола, если бы застал в приёмнике.

Подхожу к зеркалу. Свежее лицо, несмотря на ранний подъём и проведённую операцию, никакой косметики. Короткие рыжеватые волосы кое-где торчат, а кое-где примяты шапочкой. Симпатичная женщина, только совсем не в праздничном виде. Хорошо, что главный не застал.

Почему-то не хочется, чтобы он видел меня некрасивой, хотя какая разница, если ему в принципе противно на меня смотреть?

После выходки с ножницами Владимир Семёнович предложил мне составить список инструментов, которые нужно заказать. Я подошла к проблеме добросовестно и в первую очередь наметила встречу со старшей сестрой оперблока, любимым литературным героем которой является, судя по всему, крот из «Дюймовочки». Очень возможно, что у неё с незапамятных времён спрятаны где-то целые хирургические наборы, ещё в масле, а она их или бережёт на самый крайний случай, или просто забыла за давностью лет. С расходником вечно такая ситуация. Хороших ниток не допросишься, но наступает день икс, когда подходит срок годности, и мы обычные аппендициты шьём роскошными нитками.

Пока мы изучали запасы в закромах, составляли список имеющегося и прикидывали, что нам надо, позвонил главный и ехидно осведомился, готово ли требование. Услышав, что нет, засмеялся и сказал, что так и знал. Что одного возмущения недостаточно, надо не только кидаться инструментами в главного врача, но и дело делать. Пришлось сидеть до ночи, чтобы подать ему список на утренней пятиминутке.

Несколько раз Владимир Семёнович предлагал подвезти меня до дома. Я шла, понурясь, еле живая после операционного дня, а он притормаживал возле меня, нахально жал на клаксон и, изящно высунув голову из приоткрытой дверцы своего шикарного автомобиля, спрашивал, не соблаговолю ли я сесть к нему в машину. Какой бы уставшей я ни была, всегда отвечала, что не соблаговолю. Я всегда чувствовала себя неловко в его обществе, а оставшись с ним наедине в замкнутом пространстве, совсем бы растерялась. Да это и неправильно – садиться в машину к главврачу на глазах у всего коллектива! Любая сотрудница может подумать, а почему это он её подвозит, а меня нет, и будет права, так что не стоит Владимиру Семёновичу приглашать меня, если он не хочет превратить свой автомобиль в бесплатную маршрутку.

Вероятно, главный хотел в неформальной обстановке свести на нет нашу конфронтацию, но потом плюнул и прекратил меня замечать. На планёрках всегда смотрел в сторону, молча выслушивал мой доклад, почти не задавая вопросов. Обычно на пятиминутках у нас деловая атмосфера, каждый может высказать своё мнение или внести предложение, и инфор-

мация будет принята к сведению, но стоило мне заикнуться о необходимости экстренного УЗИ, Владимир Семёнович осадил меня: «Если у вас есть замечание, пишите рапорт».

Я не стала писать.

А когда главврач зашёл к нам в отделение, чтобы посмотреть, как мы работаем, то очень мило общался со всеми докторами, а в мою сторону даже головы не повернул. Все сидели и смеялись, а я высокомерно писала истории в своём углу. Что ж, сама виновата! Одно дело мудрый оппозиционер, который нет-нет да и подкинет хорошую идейку, и совсем другое – истеричка, протестующая ради протеста!

По-настоящему я совсем не такая, но Владимиру Семёновичу этого уже не докажешь.

Странно только, что он не подвёл меня под сокращение! И цветы эти персонально для меня, и открытка...

Зачем? Пытаюсь найти объяснение и не могу. Не нравлюсь же я Владимиру Семёновичу как женщина... Это исключено!

Чтобы разбавить женский коллектив, зовём травматолога. Он с энтузиазмом принимается за торт, но почуяв напряжение с нашей стороны, спохватывается и сквозь зубы цедит поздравление.

Мы с сёстрами переглядываемся и вздыхаем. Интересно, какой женоненавистник придумал этот день, в который каждая одинокая женщина чувствует себя одинокой вдвойне, а счастливая – такой же счастливой, как остальные триста шестьдесят четыре дня в году, не больше и не меньше.

Все собравшиеся за столом – медики, а значит, разговор быстро переходит на профессиональные темы. Начинается нытьё о том, что врачи – единственная категория людей, работающая в условиях презумпции виновности, и как это тяжело.

Это возвращает меня к мысли, что профессию пора менять, пока не посадили или не вчинили миллионный иск.

Обычно схлопотать жалобу на себя ничего не стоит. Для этого достаточно нарваться на психопата с манией сутяжничества, всю остальную работу сделает он сам.

Но сегодня, как назло, идут только милые люди, настолько вежливые и доброжелательные, что меня это пугает. Может быть, я в параллельной вселенной?

Дежурные врачи часто сталкиваются с категорией людей, считающих себя умнее всех. Вместо того чтобы идти со своими хворами в поликлинику, они предпочитают являться в экстренную службу, выбирая для этого время в районе двух-трех часов ночи, когда, по их расчётам, в приёмнике меньше всего народу. Когда врач предлагает им обратиться в поликлинику, начинается зловонная риторика: «Вы отказываете мне в помощи?», «А если я умирать буду?», «Мы на вас налоги платим» и прочее в том же духе. К сожалению, понять, насколько серьезно состояние гражданина, возможно только после полноценного осмотра, а раз уж он проведён, то мне лично проще назначить лечение, чем тратить нервы, доказывая, что жизни человека ничего не угрожает и ему следует обращаться в поликлинику.

Ну а сегодня подобный любитель быстрого обслуживания пусть только сунется! Я его в такую поликлинику отправлю!

А когда он заведёт свою оригинальную песнь шантажа, лично дам ручку и бумагу и покажу, где у нас висит «ящик доверия» – выдержанный в светло-голубых тонах опечатанный железный короб с прорезью, куда граждане могут опускать свои анонимные и не очень доносы, разработка средневековой инквизиции и НКВД.

Вдруг приходит в голову, что целителям прежних времён приходилось ещё круче. Их вообще по жалобам граждан жгли на костре, так что нам, в общем, жаловаться грех.

После пациента с почечной коликой возникает вполне подходящий клинический случай. Плотный мужчина средних лет с номенклатурными щёчками и властным взглядом наверняка не привык к отказам.

– Завтра обратитесь в поликлинику, – говорю я хмуро, глядя на суточную рану предплечья, и инстинктивно пригибаю голову, готовясь к буре негодования. Формально я совершенно права, швы на рану накладываются только в первые шесть часов, а то, что он не мог выехать с дачи, это, ей-богу, не моя проблема.

– Спасибо, доктор, – голос пациента звучит неожиданно мирно.

Да что ж за день сегодня такой?

– Вы поняли? – уточняю я на всякий случай. – Сейчас я не буду оказывать вам помощь.

– Да, понял, извините, что побеспокоил.

Как тут выдержать характер? Беру страдальца в перевязочную, есть у меня свои секреты, чтобы рана зажила без грубого рубца.

Итак, отказ в помощи не прокатил. Остаётся постыдное вымогательство. Это должно сработать, люди не любят платить за то, что можно получить даром.

Смотрю на часы: треть праздничного дня Восьмого марта позади. Непонятно, как будет дальше, но пока дежурство смело можно назвать идеальным. Ни одного скандалиста, все пациенты с клиникой, словно из учебника, и утренняя ущемлённая грыжа тоже тьфу-тьфу. То, что в хирургии называется «удобный пациент». Поступил через довольно длительное время после ущемления, но кишка осталась жизнеспособной, и резекцию делать не пришлось. Странная закономерность, одних женщин на Восьмое марта судьба одаривает романтикой, а меня – только профессиональными удачами. Почему так? Возможно, я создана для того, чтобы лечить людей, не отвлекаясь на личную жизнь...

А вдруг мне всё же удастся переломить судьбу? Если я сменю профессию, может быть, мне достанется хоть немного счастья.

Я перестану быть машиной для спасения жизней, судьба потеряет ко мне интерес и позволит немного пожить для себя.

Или наоборот, космос даёт мне таким образом понять, что сопротивление бесполезно и я должна идти предназначенным мне путём, никуда не сворачивая.

Всё это пустые предположения, если мы что-то знаем о своей судьбе, так это то, что нам не предсказать следующего её хода.

Ну да, кисло думаю я, не предсказать... Так и будешь всю жизнь молотить в этом чёртовом приёмнике, возвращаясь в пустую квартиру только поспать, если не примешь срочных мер. Чтобы вписаться в поворот судьбы, надо крутить руль!

Сосредоточенно хмурясь, придумываю грандиозный «косяк», который точно поставит меня под сокращение.

Есть неплохой вариант: не положить в больницу какую-нибудь заслуженную бабку. Если она обременена родственниками, которых от желанной свободы отделяет только упрямство дежурного врача, жалоба практически гарантирована.

Обычно я жалею таких старушек, их трудно назвать здоровыми, а при несовершенстве амбулаторной помощи госпитализация часто бывает единственным шансом улучшить им качество жизни, но сейчас накручиваю себя и торжественно обещаю – если нет прямых показаний, не положу!

Но «Скорая помощь» никого не везёт.

Заполняю истории, делаю текущий обход и только сажусь на диван с книжкой, звонок из приёмного.

Аппендицит у молодого человека. Сам парень кажется вполне адекватным, но мама внушает на-дежды. Вымогательство ей точно не понравится.

Открываю рот и понимаю, что физически не могу попросить денег за операцию. Издав несколько пробных звуков, замолкаю. Напряжённое лицо мамы расслабляется, ирония, кажется, в том, что она ждала, что я буду кланяться деньгами, и готовилась дать достойный отпор.

Предпринимаю вторую попытку, столь же бе-зуспешную. Мама с поджатыми морковными губами мне совсем не нравится, и я думаю, как здорово было бы сейчас обломать её уверенность в том, что в груди каждого врача пылает огонь бескорыстной любви к человечеству, но есть вещи, через которые я не могу переступить.

Выйдя из операционной, без особой надежды проверяю телефон. Удивительное дело, но обнаруживается один пропущенный звонок с неизвестного номера. Что ж, если это был тайный поклонник, то он очень точно выбрал время, чтобы признаться в своих чувствах. Позвонил именно в те полчаса, когда я была в операционной и ответить не могла.

Решаю не перезванивать.

Наступает вечер, тихий и ясный, длинные тени ложатся на ноздреватые мартовские сугробы. Скоро снег совсем сойдёт. Я не курю, но выхожу на крыльцо вместе с травматологом и с удовольствием вдыхаю тёплый мокрый ветерок наступающей весны, приправленный сигаретным дымом.

Сегодня мне не удалось заработать отрицательные баллы, что же делать? Остаётся единственный способ: завтра на планёрке обозвать главврача дураком или вором. А для гарантии тем и другим.

Но он не дурак и не вор, грустно думаю я, совсем наоборот. Перед глазами возникает суховатое лицо Владимира Семёновича, с резкими морщинами и прозрачными волчьими глазами.

Кажется, я влюблена в нашего главврача, хотя предпочитаю думать, что он меня бесит. Наверное, поэтому и хочу уйти, пока ещё есть силы для самообмана.

Снова пьем чай с остатками торта, выжимая последние дивиденды из Международного женского дня. Включаем праздничный концерт, какой-то мужчина с внешностью раскормленного идальго поёт о своей готовности поступить в рабство к даме сердца. Выглядит он так невыносимо пошло, что мы с травматологом снова идём на крыльцо. Подлетает «Скорая», разрывая ночь синими всполохами фонаря и сиреной. Водитель с фельдшером вытаскивают каталку, а знакомый врач зовёт нас. Бежим встречать пациента, по пути я успеваю посмотреть на часы. Полночь миновала пять минут назад, кончился Женский день, а вместе с ним и профессиональные удачи.

Что ж, картина ясная. ДТП, шок. Закрытая травма живота наверняка, рёбра, голова... Уточнять диагноз будем в операционной.

Быстро везём больного, я на ходу заполняю историю. Давление падает, времени ждать УЗИ нет, быстро делаю лапароцентез, в животе кровь.

Михаил Георгиевич даёт наркоз параллельно с противошоковыми мероприятиями. Мимолётно отмечаю, что он на удивление сдержан и вежлив, неужели принял к сведению наш утренний разговор?

В животе обнаруживается больше двух литров крови, источник кровотечения – разорванная селезёнка и брыжейка тонкой кишки. Могло быть хуже. Делаем спленэктомию и резекцию кишки.

Кровотечение остановлено, теперь всё зависит от Миши. Мне видно часть экрана монитора, и я периодически поглядываю туда, чтобы не отвлекать анестезиолога. Давление ещё низкое, но не падает, и пульс приличный, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Миша – молодец!

Только я успеваю это подумать, как слышу его крик:

– Плазма нужна нам немедленно! Вы обязаны знать такие вещи! – и понимаю, что человек остаётся самим собой, несмотря ни на какие воспитательные меры.

Вдруг слышу голос Владимира Семёновича. Галлюцинации что ли от недосыпа и усталости? Нет, он действительно стоит в дверях, не решаясь войти внутрь. Помнит, что ли, мои слова про клуб весёлого хирурга? По заведённому распорядку ему докладывают обо всех случаях тяжёлых ДТП, и с некоторым опозданием вспоминаю, что это должна была сделать я. Ура! Наконец-то провинилась! Не повод для увольнения, конечно, но при грамотном подходе...

– Всё в порядке у вас? Помощь нужна? Мне помыться? – отрывисто спрашивает Владимир Семёнович.

Я качаю головой, а Миша налетает как вихрь, мол, плазму надо капать срочно для профилактики ДВС, а где специальный аппарат для быстрого размораживания? Куда смотрит администрация? О чём, в принципе, думает главврач, не оснащая нашу заштатную больницу последними достижениями науки и техники?

Я улыбаюсь под маской. Самое время и мне высказать главврачу какую-нибудь нелепую претензию, но куда там! – разве могу я пробиться сквозь Мишкин напор?

Последний шов, повязка, и я оставляю Михаила Георгиевича готовить больного к транспортировке в палату интенсивной терапии. Иду писать протокол операции в ординаторскую.

Там сидит Владимир Семёнович, положив подбородок на сплетённые ладони, и пристально смотрит на меня своими прозрачными глазами.

Мне стыдно, что я уставшая, в ветхой хирургической робе и дурацком бумажном берете, но я не снимаю его, зная, что наэлектризованные волосы будут топорщиться, как венки у статуи Свободы.

– Разрешите доложить, что я сегодня работала очень плохо, – обхожу его и сажусь за компьютер, – не доложила вам, и вообще, плохо оперировала. Медленно.

– Михаил Георгиевич сказал, что звонит по вашему поручению, так что не наговаривайте на себя.

Я молча открываю папку с протоколами операций, надеясь найти что-нибудь похожее, чтобы не набирать заново текст, а просто изменить паспортные данные и некоторые детали.

Повисает тягостная пауза, и Владимир Семёнович достаёт сигареты, нарушая свой собственный строжайший запрет на курение в стенах больницы.

Я разрешаю ему курить и с наслаждением вдыхаю горьковатый дым.

– Есть смысл рассмотреть мою кандидатуру на сокращение, – сейчас, в неформальной обстановке, можно быть искренней.

Владимир Семёнович качает головой:

– После того, как вы спасли человеку жизнь?

– О, я не смотрю на свою работу так пафосно. Знаете, как говорят лётчики: если ты идёшь в полёт, как на подвиг, то ты к полёту не готов. Я просто делаю дело, и, господи, даже не знаю, как его зовут и сколько лет этому несчастному. И в лицо не узнаю его завтра. Видите, крайняя степень выгорания. Вы обязаны принять меры как руководитель.

– Какие?

– Уволить меня по сокращению штатов.

– Тогда... – говорит Владимир Семёнович и надолго замолкает.

– Что?

– Тогда у меня больше не будет причины торопиться на утренние планёрки и гадать, увижу я вас или нет. Услышу какую-нибудь бодрящую гадость в свой адрес или вы высокомерно промолчите.

Я молчу. Наверное, теперь точно слуховая галлюцинация или просто я уснула от усталости...

Пока я раздумываю, сон это или не сон, моя рука оказывается в большой ладони Владимира Семёновича.

– Я думал, вы замечаете, что я в вас влюблён. Женщины вроде должны видеть подобные вещи.

Я качаю головой.

– Мне это в голову не приходило.

– Правда? Ничего не замечали?

– Я думала, вы просто считаете меня психопаткой.

Владимир Семёнович неопределённо улыбается и крепче сжимает мою ладонь.

– Видно, мы просто не поняли друг друга, – говорит он тихо, а я снимаю бумажную шапочку. Причёска «противотанковый ёж», ну и наплевать!

– Я приходил утром, потом звонил, но всё никак не мог застать вас. Сейчас не самое подходящее время признаваться в любви...

– Почему? Хорошее время...

Я не знаю, что сказать ещё, но тут Владимир Семёнович приближает свои губы к моим, и, кажется, начинается мой Женский день...

Елена Нестерина. Хроника празднования 8 Марта, составленная за десять лет наблюдений

Ольга Станиславовна Заварцева, по специальности аналитик, по профессии архивист. Пытаюсь систематизировать всё, что меня окружает. Просто потому что нравится.

Хроника составлена по годам – первая запись сделана спустя год и один день после непосредственно события. Вторая – в процессе события. Третья – ровно на следующий день третьего года фиксации событий. Остальные – когда как.

Но у меня всё строго.

Отчёт 1

Нас никто не поздравил с Восьмым марта. Это послужило причиной для дальнейшего развития событий – на много лет, как позже выяснится, вперёд.

У Анастасии Папоровой был парень, который вчера начал праздновать день рождения брата. Папорова этого брата ненавидела – в его компании её парню всерьёз сносило кукушку. Как выяснилось, сносило с самого детства, когда братья ещё не пили. А уж когда начали пить и праздновать день рождения с алкоголем... Папорова сказала парню, что если он ещё раз... Если он...

И вот он всё-таки ещё раз и если.

Кроме парня, Папорову поздравлять было некому. Они с мамой поздравили друг друга, Папорова звонила на «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Она понимала, что мозг абонента тоже выключен или находится вне зоны действия, но надеялась, что рядом с мозгом есть или рассол, или «Антипохмелин», или дураку там, где он находится, наконец-то стало холодно, он поднялся в вертикальное положение и осмотрелся. Папорова подъезжала к дому, где жил брат, смотрела на окна. Свет в них горел, иногда мимо штор плыла неконкретная тень. Было ясно, что в квартире кто-то находился. Но степень соотнесённости этих людей друг с другом, их количество и половая принадлежность оставались неясны. Дурной брат трубку просто не брал, телефонов других гостей Папорова не знала. И, ругая себя и судьбу, пришла ко мне.

Пришла и рассказала всю эту историю.

Меня не поздравили по-другому. Родителям было плевать на повод – они подхватились и уехали в село к родственникам. Там они с наслаждением праздновали – тоже, по их привычке, всё равно что: главное, что нарядились, надушились, надарили друг другу подарков – и, рассевшись за длинным столом, вкусно и много ели, обсуждали блюда и способы их приготовления, степень воздействия съеденного на их организмы, правдивость того, что показывают по телевизору или пишут об ингредиентах, входящих в состав употреблённого. Папа пил, мама за ним следила, родственники пили или тоже следили, ели, пели, ели, пили, пели, гуляли по улице, бегали на двор, звонили, ели, пили, пели, плясали, пили, гуляли... Мне бы их счастье.

8 Марта. И никто не поздравил...

Я ещё не знала, что надо сильно по этому поводу переживать. Я сидела дома одна и раскладывала на компьютере пасьянс. На работе меня поздравили вчера, так что я даже и обижаться ни на что не думала. Но пришла Папорова и включила страдание. Тогда мы позвонили Муре. Папорова знала, кому звонить, чтобы поддержать её в горе без радости. Папорова – интуит. А мы все – одноклассницы, хоть и не самые близкие подружки. Но вот какие странные вещи иногда сближают людей.

Мурочка начала страдать раньше нас – влюблённый в неё дяденька неожиданно оказался женат. Именно поэтому он не смог поехать с ней в дом отдыха «Жолнеры». Мура отписалась от дальнейших отношений с ним, удалила номер его телефона. Оказалась у разбитого восьмимартовского корыта – и через двадцать минут после нашего приглашения уже звонила мне в квартиру, позвякивая тремя бутылками ликёра «Бейлиз», которыми задарил её женатый недо-жолнер.

О, прекрасный ликёр, по семьсот пятьдесят грамм в бутылке на человека! Мы сели на пол, разбросали на полотенце всё, что нашли у меня в холодильнике, взяли каждая по бутылке – и стали представлять, что мы мушкетёры при крепости Ла-Рошель. Да, в прошлом году нам было ровно на год меньше лет, да, мы всего не учли. Но сидеть на полу и размахивать тяжёлыми тёмными бутылками было очень весело, пить ликёр из горлышка тоже.

Ликёр глотался только маленькими порциями. Каждый раз эти порции становились всё меньше и меньше. Когда два раза по пятьдесят граммов в кафе, когда в составе кофе по-ирландски – это одно. А когда так много и в одного человека – это другое. Страдающая Папорова попросила мяса. Курицу, почти целиком, в это время съела страдающая Мура. Оставленный родителями прекрасный торт «Абрикотин» – последний из поступивших в продажу, снятый с линии производства как слишком сложный и требующий только натуральных ингредиентов, Папорова с Мурой потребовали унести долой с глаз. Сладкое твёрдое со сладким жидким мушкетёрам не лезло. Я сварила им пельмени, обсыпала перцем и обмазала майонезом. Они съели килограмм. Я из них самая толстая, но за челюстями страдания не успевала. Открыла банку домашней свиной тушёнки, намазала на куски батона. Обливаясь слезами, батоны девушки тоже съели, эстетка Папорова заедала розовыми таблетками ферментов, иначе эстетский организм не принимал. Бежать за водкой не предложил никто. Водку мы не пьём.

Очень вредно не поздравлять женщин с Восьмым марта – особенно когда им по двадцать семь лет, они, как Мура, хотят замуж. Или, как Папорова Анастасия Григорьевна, жаждут страстной любви и романтизма. Чего тогда хотелось мне – я даже не знаю. Оно до сих пор как-то неоформлено. Что-то неясное, милое, хорошее такое маячит впереди, а придать ему форму я не могу. Хочется чего-то вот, ну чтобы оно как-то. Не знаю. Даже приятно, что оно такое неоформленное и пока только маячит.

Но тем не менее Мура и Папорова сконцентрировались и предложили прекрасную вещь: раз нас все предали – в том числе и меня мой мужчина, который не посчитал своим долгом у меня завестись, – **КАЖДЫЙ ГОД СОБИРАТЬСЯ ВТРОЁМ И ОТМЕЧАТЬ 8 МАРТА!** Должны же у взрослых сложившихся людей быть свои традиции? И у нас будет вот эта.

Мы поклялись. Мы пожали друг другу руки. Мы чокнулись бутылками с ликёром.

Мы поклонились телевизору, по которому шёл праздничный концерт, а Регина Дубовицкая проникновенно называла нас дорогими – и мы ей верили.

Пусть Папорову рвало фесталом. Пусть звонила её мама мне на городской телефон и потом, в сопровождении шатающегося парня (да, того самого, со следами отсутствия абонента в сети и искреннего раскаяния на лице), материализовалась у меня на пороге и Папорову забрала. Пусть Мура улеглась у меня в комнате спать, и я включила ей фильм «Магнолия», который она посмотрела в своей жизни уже раз сто пятьдесят. Пусть мне пришлось уйти спать к родителям.

Пусть.

Я сладко уснула на родительской кровати.

Ведь ещё в том году не знала, что всё это действительно положит начало крепкой традиции.

Отчёт 2

Пишу, что вижу. Просто мы сидим, и я пишу. Анастасия Папорова и Маргарита Муранова молчаливы, сдержанны, даже, можно сказать, зажатые – потому что их действия фиксируются. Они не знают, что сказать. Как сесть. Что изобразить на лице. Как будто я их снимаю на видео. Я не снимаю на видео. Я просто пишу, протоколирую. Я отгородилась от них ноутбуком – поэтому они передо мной, как на сцене.

Две артистки.

Артистка Папорова рассталась со своим пьющим парнем. Вчера он праздновал день рождения брата – и ей ничего плохого из-за этого не было. Папорова не страдала!!! Нет – десять!!!!!!!!!!!!

Вот так она не страдала. Она вообще даже практически весь год про него не помнила. Папорова, я всё пишу, что ты думаешь? Говори-говори, я быстро печатаю.

Папоровой нечего сказать. Она бросила этого хрена, летом завела аниматора – работала в Турции не самым последним человеком развивающегося туристического агентства, выучила турецкий язык, простой и весёлый. Аниматора сама бросила, он изменил ей с аниматоршей, да ещё и по глупости, потом кусал её за кожаные турецкие босоножки, бился в натёртые этими босоножками раны на щиколотках, получил удар папкой с документами по глупой голове – и вплоть до октября, пока был сезон, наблюдал подъём Анастасии Григорьевны на высоты, оставаясь со своей роскошной фигурой и брутальным лицом низовым аниматоришкой. Ха-ха-ха!

В Москве с Папоровой заигрывал руководитель направления «Ближний Восток – Малая Азия», женатый на дочери заместителя руководителя направлений. Папорова могла бы тоже дать папкой по голове. Хоть ближневосточный мужчина был красив, телом бел и белокур, но женатый мужчина – это святое, не тронь! Скажи же, Мурочка?

Папорова завета Мурочки послушалась. Страдая. Но соблазнить белокурого хотелось.

Мурочка за год не продвинулась ни на йоту. Она доктор. Она принципиальнее нас с Папоровой, умноженных на мою маму и возведённых в третью степень моральных качеств моей начальницы Зотиковой, которую в нашей бюджетно-распилочной госконторе прозвали Сосвятымиупокоей. Если мораль Папоровой – да, Папорова, это правда, сиди и не прыгай – подвижна и вариативна, легко поддаётся денежно-подарочному нажиму, то Мура – кремень.

Это не лесть, Муранова, это дурь.

Я и сама не знаю почему, но так считается. Мне кажется, что я не только о себе, но и о мире ничего вообще не знаю. У моей одноклассницы ребёнок ходит во второй класс.

Класс!

Не летайте надо мной, гули-гули! Над моей головой, словно пули! Не цепляйтесь вы ко мне, Гали-Вали, я Маруськами вдвойне опечален...

Мура, это ты поёшь? Это она поёт... Этот наивный клип крутили тогда, когда мы заканчивали наши институты. Дядя влюблён в мать и дочку, их зовут Марусями... Дуристика, а смешно.

Мура, ты поёшь? Доктор, вы пьяны?

Мы сидим в ресторанчике. Вокруг пары. Группы за столиками.

Мы тоже хорошая группа. Мура очень красивая. Папорова – ты стильная, Папорова. Так и запишем. Я розан. Зачем ты так говоришь, Анастасия? Ты злая? Поняла-поняла, розы некрасивыми не бывают! А-а-а... Но розан – роза мужского рода? Кто гонит? Я?!

Встречаться на 8 Марта – прекрасная традиция!

Мы чинно выпили бутылку «Crystal». Муранова М. Н. лезет ко мне в компьютер и диктует, что на этикетке бутылки написано «Cristal», это же по-французски. А я что напечатала?

Ну я не знаю, как тут быть. Пусть останется написано как есть, у меня тут всё-таки хроника. Даже если шампанское поддельное. Папорова уверяет, что не поддельное – она такое сто раз пила. Просто надо было не понтиться, а заказать что-то другое, тогда хватило бы денег купить по бутылке на каждого – и было бы как в прошлом году. Да потому что традиция бы поддержалась, почему? Это Мура всё никак не уймётся.

Так и запишем: посидели хорошо.

Мы встретимся снова.

P.S. Всё, что произошло год назад, я зафиксировала на следующий день утром дома. Сделала более ранним постом. Так что всё стало хронологично. Отныне и во веки веков.

Аминь!

Отчёт 3

С нами Девайсовна. С нами, с праздником, с девайсами. Разложила все их вокруг себя и наслаждается. Одно втыкается в другое, они синхронизируются между собой, что-то чему-то чего-то привносит, добавляет функций, мощности и возможностей. Мы всё прекрасно понимаем и используем, да-да, мы именно пользователи, а Девайсовна девайсами одержима. Девайсовна работает с девайсами. Ей за это платят. Девайсовна – тоже наша одноклассница.

Можно было бы подвергнуть обструкции Муранову за то, что она пожалела Девайсовну, которая в гнущем унылом виде встретила её на улице, и пригласила на нашу закрытую вечеринку. Изгнать её из нашего братства. Позор, Мура! Изгнать тебя, изгнать! Но мушкетёры такими вещами не занимаются. Да, они изгнали из числа живых тётенку Миледи – и снова благородные. Мы злимся, но даже Девайсовну прогнать не можем, не то что Миледи голову отрубить. Хотя Девайсовне отрубить можно было бы – у неё в ушах наушники, она не успеет среагировать. Зачем мы ей нужны? Она даже про наше сплочённое мушкетёрство не знает, поэтому и в д'Артаньяны проситься не будет. Папорова, мы не выясняем, кто из нас Портос, поняла? Видите надпись: ЕСЛИ НАЗОВЁТЕ МЕНЯ ПОРТОСОМ, Я БОЛЬШЕ НА ВАШИ 8 МАРТА ХОДИТЬ НЕ БУДУ. И ВООБЩЕ ВАС ПОШЛЮ.

А-а-а! Вот зачем мы Девайсовне: она вынула из ушей бананы и начала хвалиться. У неё не было публики. Она работает в окружении мужиков. Закупки и поставки. Телефоны, флешки, выносные хранилища памяти, адаптеры, шнуры... Что ещё, Девайсовна? Она думает, что я с кем-то переписываюсь, типа чат у меня, я не совсем здесь. Поэтому хвалится Муре и Папоровой. Не личной жизнью хвалится, а грёбаным оборудованием и возможностями, которые каждый из её любимых девайсов ей то и дело открывает. Делится знаниями. Она счастлива, что знает. Что может. Что имеет. «А этот девайс... А с этим девайсом... А для этого девайса...» Хотя имя своё она помнит. Но мы её больше так не называем.

Эх, Девайсовна-Девайсовна...

Испортила нам праздник.

Превратила его в сборище имени Девайсовны.

Не дала рассказать Папоровой, какие у неё проблемы в личной жизни.

Не дала всплакнуть Муре и в конце плача сообщить неизменное – что она верит в позитив.

Пока Девайсовна вещала, мы ели. А она только собрала с салата розы из редиски.

На каком оборудовании работает её мозг? Что за источник энергии использует?

Девайсовна выступила, сложила в сумку свои многочисленные девайсы, любовно стуча по ним акриловыми ногтями, вжикнула молнией. Вздохнула и откинулась на спинку стула. Розовые щёчки, довольство и умиротворение. Вампир.

С праздником.

Отчёт 4

Если сказать, что ребёнок родился у Папоровой из-за Девайсовны, это будет не совсем неправда. Если бы не было с нами тогда Девайсовны, мы смогли бы узнать о его формировании в организме Анастасии несколько раньше. При Девайсовне она ничего говорить не стала. Мы молча, как выжатые лимоны, расползлись по домам с той вампирской встречи.

И Папорова сообщила только неделю спустя.

Что соблазнила женатого. В принципе, как и планировала. Того самого белокурого красавца, ответственного за Малую Азию. Который никогда не разведётся с дочерью своего же руководителя. Соблазнила неудачно. Чтобы всем сохранить лицо и не потерять должность, друг о друге и том, кто неуклонно развивается в органах малого таза Анастасии Папоровой, отец ребёнка и носитель ребёнка поклялись забыть. Папорова забыть не смогла – доктор Муранова контролировала её на всех подступах к аборт.

Так что сегодня мы праздновали 8 Марта дома у Папоровой, Папоровой мамы и сына Папоровой, Папорова Коти. Запись сделана спустя полтора часа после завершения празднования.

Коте скоро шесть месяцев. Хороший Котя. Пока мать работает, сидит дома с бабушкой, ест смесь из бутылочки, страдает запорами и диатезом. Выглядит плохо, но очень весёлый и милый, ясные глазки. Муранова утверждает, что он развивается гармонично, а запоры пройдут. Я надеюсь – потому что жалко мальчика, весь в корках и болячках. И лицо такое вытянутое, как рыльце. Просто копия отца: а уж на фото этого козла мы насмотрелись... Ну как он мог показаться Папоровой красавцем? Что у Папоровой в голове? Я по-прежнему смотрю на то, что происходит с окружающими, и удивляюсь. Удивляюсь и ничего не понимаю. Уж мне такой выхухоль – даже неженатый – никогда бы не понравился! В чём разница между мной и Папоровой, которую он очень даже устраивал? Мура тоже ответа не знает.

Да, Мура... Мура и Котя, Котя и Мура. Как странно распределяются подарки судьбы: ребёнок родился не у заботливой Мурочки, а у неукротимой Папоровой, которая даже не уходила в декрет и появилась в офисе своей турфирмы через месяц после рождения Коти. Она и сейчас плохо знает, как с ним управляться, – всё делает мама, которой пришлось брать отпуск по уходу за ребёнком. И это за несколько лет до пенсии.

Мура просто молодец. Как же ей не лень! Я до сих пор боюсь взять Котю на руки. И не потому, что мне не нравится его мордочка в коростах и слюни, которые он роняет. Просто вот как-то не могу... А Мура его таскает. Котя Муру любит. Мяу. Она очень старается. Я специально наблюдала, как Маргарита уверенно, будто шахматы на доске, переставляла на кухонном столе перед носом Папоровой баночки с протёртыми овощами и фруктами. Она их купила целую сумку и принесла среди прочих подарков младенцу и его семье. «Вводи, – всё повторяла, – вводи скорее. И наладится!» Но когда Папорова, её мама и Мура начали вводить ребёнку банку пюре, я уже не выдержала и ушла к телевизору. Так и бродила между ним и холодильником.

Через два часа они втроём Котю укатали и законопатили в кроватку. Ну да – и пришли ко мне в гостиную праздновать. Стол я накрыла знатный. Времени-то у меня о-го-го сколько было!

А девайсы в этом году стали называть гаджетами.

Отчёт 5

Арам-зам-зам, арам-зам-зам! Гули-гули, гули-гули, гули-рам-зам-зам!

Это Мура поёт. Поёт и пляшет. 8 Марта мы отмечаем в Турции – Папорова, спасибо тебе!

Музыка! Бассейн! Диджей направляет стробоскоп в этот бассейн. Внимание: в бассейне Мура! Всё как положено: колготки, туфли, вечернее платье, укладка и макияж. Всё, всё там. Арам-зам-зам, арам-зам-зам!

Русские, русские идут! В бассейн прыгают два молодых человека. В мелькающем свете стробоскопа все трое гонят волну и визжат. Тот, кто прыгнул с пивным бокалом в руке, поднимает его высоко и кричит, что пьёт за здоровье девушки. В момент прыжка пиво в бокале сменилось водой из бассейна. Думаю, парень это заметил, потому что пить не стал, всё больше орал и размахивал руками. Не кул, совсем не кул, герой бы выпил...

Папорова не терпела конкуренции – она тут же организовала заплыв в ночное море. Кому март, а кому имидж. Привязав парео на вырванный из рекламного модуля пластиковый шест, Анастасия принялась собирать женщин под знамя Клары Цеткин. Со знаменем в руке она сразу стала самой красивой, тем более что аниматоры подыгрывали ей, зная её суровый нрав. И злопамятность, я бы добавила. Она загнала четырёх клуш в море, оставив вытянутую из бассейна Муру дрожать у прибора – Папорова знала, что Мура плавает красиво, но в такую холодную воду не полезет никогда.

Со знаменем в руке она поплыла. Аниматоры вооружились кругами и выставили в авангарде пляжного спасателя Джабраила.

– Мужчины, докажите, что вы нам нужны! – кричала Папорова из воды, игнорируя логические связи между предложениями. – Мы без вас можем всё! Кто сумеет меня догнать? Я первая доплыву до буйка!

Одна пловчиха сломалась и вернулась. Муж стремительно примчался к ней с полотенцем. Остальные барахтались в волнах. Их было хорошо видно – всё пляжное освещение повернули в сторону женщины со знаменем.

Довольно быстро и азартно всех их, и Папорову первую, выловили. Папорова пригласила участников в кальянную. Среди ковров, подушек и сладкого дыма она продолжала быть царицей. Выбранные Папоровой мужчины активно доказывали, что они ей нужны. Она смеялась победным смехом, и её вполне можно было понять.

В роскошной кальянной оказалось тепло, благостно, и затерявшаяся в массовке Мура уснула. Папорова вяло предлагала мне поддержать традицию и закрутить роман во-он с тем дядей, явно женатым, но мне было лень.

Виски, лукум, баклава, пишмание, гранатовый чай – 8 Марта в Турции выдалось на славу. Я хочу стать гастрономическим туристом.

Отчёт 6

Мура замужем! Мура в скайпе. Мура поздравляет нас, снова собравшихся в квартире у Папоровой, с Международным женским днём.

На экране колышется довольное лицо Маргариты Мурановой. Они с мужем на международном симпозиуме молодых врачей-эндокринологов в Мюнхене, так чего же не поздравить нас из международной поездки? Вторую половину экрана занимает муж Муры, Котя. Да, его тоже, как и сына Папоровой, зовут Котей, Константином. Мур-мур, кис-кис и сплошное мяу. Сыну Папоровой завели котейку, сплошное мяу неукротимо льёт в обувь и портит вещи. Котики захватили мир! Они лезут из компьютера, выскакивают на экран телефона, а вот сейчас карабкаются мне по колготкам. И – да – колготки-то мне и порвали! Убью котю! Кошачью морду.

Котя маленький человеческий ещё только лезет под стул, хочет спасти своего котэ. Вместо того чтобы поговорить с молодыми эндокринологами, я прыгаю вокруг стула и пытаюсь избавиться от Коти и коти. Папорова, от которой неистребимо пахнет котом, не реагирует и продолжает спрашивать о Мюнхене.

Мура вышла замуж осенью. Муж свеж, муж врач, муж из Нижнего Тагила и теперь прописан в её квартире. Он любит Муру, они познакомились на аналогичном симпозиуме, им везло, их вело к свадьбе. Всё вело. Во всём везло.

Свадьба была хорошая. Я второй раз в жизни оказалась на свадьбе. Будет выходить замуж Папорова, начну писать хроники свадеб и празднований годовщин. Я предложила это начать прямо с годовщины свадьбы Муры – и Папорова расплакалась. Что, какая ей свадьба, кому она нужна. Это новость. Разве Папорова правда хочет замуж? Зачем? Она только что купила большую квартиру – никого им там лишнего не надо. Даже кота этого я бы туда не повезла – ссать в тапки... Ладно-ладно, кота не трогаем, пусть ароматизирует пространство вам на здоровье.

Папорова не хотела рыдать на глазах у счастливых молодых – и выключила скайп.

Мама её уехала к подруге в Лианозово. Мама отдыхала. Мама обычно хорошо её утешала, мама у Папоровой золотая. Я утешала плохо. Я привезла торт. Большой «Киевский», московского производства, но Папорова худела. Пока мы это выясняли, Котя влез в него двумя руками, наелся крема, размял безе и накидал по полу орехов. Месяцы борьбы с диабетом коту под хвост.

Папорова долго его мыла, ругала и рыдала в ванной.

Так-то ничего страшного не случилось, даже весело, но всё как-то глупо, вроде как ни к чему, непонятно зачем. Смеяться не хочется. Папорову жалко. Столько энергии, столько воли к победе и радости жизни. И что? И ничего... Это она так говорит, что ничего. Но у неё жива мать и есть готовый здоровый ребёнок. Этого мало для счастья? А если бы у неё был любимый муж, была бы она счастлива? Счастье – это муж? У Муры нет матери и ребёнка, но есть муж. У меня нет мужа и ребёнка, только родители – это много или мало? Женское счастье – это не просто человеческое счастье, а какое-то специальное? Для полного счастья в этом наборе должно быть обязательно всё из перечисленного?

Почему же нет международного мужского дня? Неужели и правда потому, что все остальные дни в году – и так мужские, и мужское счастье более достижимо? Но это неправда. А в чём тогда правда?

Тоска.

Папорова несчастлива ещё и потому, что Мура счастлива. Мура не бывает несчастлива от того, что другим хорошо. А я бы сказала – ровно наоборот. Мура врач, и Мура очень благодарная. Но страдает-то Папорова.

Всех так жалко, так жалко...

Отчёт 7

Я живу в айфоне. Вот как его купила, так теперь там и живу. Там у меня всё. Пишу сейчас в него. Удобно. Это маленькое аккуратненькое окно в мир даёт ощущение соотнесённости и сопричастности. Я всё вижу, всё знаю, я всегда в центре событий. Я всегда на связи – с любым человеком, местом и раздатчиком информации.

Мура пригласила отмечать 8 Марта у них дома. Муж, очаг, умиление. Папорова ехать не хочет. И я не хочу. Во-первых, понятно, что нелепый праздник. Во-вторых, не такие уж мы подружки. Все втроём мы не виделись больше года. Что нам обсуждать? Мурочка этого не понимает, из своей счастливой норки ей хочется милоты для всех остальных. В-третьих, они даже не стали читать мою хроникальную запись, которую я им старательно разослала ещё год назад. Они не читали – я спрашивала. Отмазались как-то вроде «Пока некогда», «Я обязательно», «Ну ты там круто, ага, как всегда, чётенько...», «Сейчас реально цейтнот, позже»...

Зачем я тогда это фиксирую? По привычке? Графомания неизлечима? Взять и из вредности, раз они не читают, выложить где-нибудь! Пусть люди читают и комментируют. Сейчас, я смотрю, массово переходят в Фейсбук. У меня там друзей почти шестьсот человек, из них одноклассников, думаю, пятнадцать, ещё человек десять просто наших с Мурой и Папоровой общих знакомых. Но чтобы кто-то комментировал нашу историю... Вот почему-то не могу.

А на просторах Фейсбука тётки сегодня поздравляют друг друга цветами и котиками, жалуются и ругают совковый праздник, который надо убрать из календаря, подлизываются дяденьки, аккуратно втираются рекламы. Всё то же самое, но прикольно. Можно не отрываться от дивана, смотреть в айфон и быть в курсе.

Так что я предложила Маргарите и Насте устроить конференцию. Будем сидеть каждая у себя дома, видеть друг друга, разговаривать, чокаться с экранами и не напрягаться утомительной поездкой, уборкой после гостей и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.